

Андрей Орлов

Библиотека
Москов

БИТВА ЗА БЕРЛИН
ПОСЛЕДНЕГО ШТРАФНОГО
БАТАЛЬОНА

Секретное задание
русского камикадзе

Андрей Юрьевич Орлов
Битва за Берлин последнего
штрафного батальона
Серия «Библиотека Победы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5023479
Битва за Берлин последнего штрафного батальона: Астрель; М.: 2012
ISBN 978-5-271-41848-8

Аннотация

Последние дни войны. Берлин. Штрафники снова шли впереди. Роман известного писателя Андрея Орлова описывает последние дни войны глазами командира, разжалованного в рядовые и отправленного в штрафную роту.

«– На лестницу, – прошептала Анна одними губами. – Поднимемся наверх, там, кажется, никого нет... – Позднее Максим проклинал себя за то, что послушался. Что это было за сиюминутное внушение? Он побежал на цыпочках к лестнице, Ситников за ним – раз надо, значит надо, командиру виднее...»

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Орлов

Битва за Берлин последнего штрафного батальона

*Не считайте дни, не считайте мили,
считайте только немцев,
которых вы убили.*

И. Эренбург

* * *

До вражеской траншеи, казавшейся голой и заброшенной, оставалось метров двадцать, когда лейтенанта Коренича посетило предчувствие. Неуютно как-то стало; он прижался к земле, вытянул руку назад, сигнализируя ползущим за ним – и бойцы застыли, сливаясь с кочками и вывороченными пластами глины. Максим внимательно слушал. По данным аэрофотосъемки, любезно предоставленным летчиками эскадрильи У-2, немцы покинули передний край – не смогли его дальше удерживать. Перенесли оборону вглубь – на вершины покатых холмов, заросших лесами. Оттуда и швыряли осветительные ракеты в пасмурное небо. В данном же квадрате, ограниченном ручьем на востоке, рядами колючей проволоки на западе – на обширном минном поле, где саперы 27-й гвардейской дивизии давно проделали «просеки», – оставались лишь наблюдательные посты и «бродячие» дозоры. Они и могли доставить разведчикам серьезные неприятности.

Шестое чувство не обмануло. В траншее отчетливо лязгнуло, потом кто-то кашлянул, бросил несколько немецких слов. «Не видят нас пока, – сообразил Максим, – а то не стали бы там лязгать и кашлять».

Ну что ж, разведка боем – дело, в сущности, нетихое, но так не хотелось рисковать ребятами в последний месяц войны! А что дело близилось к финалу, никто не сомневался. Да что там месяц – неделя! До Берлина рукой подать. Поднатужиться в последний раз, додавить заразу в ее логове...

Лейтенант Коренич лихорадочно осматривался – можно ли обойти, атаковать с фланга, чтобы не бегать эти двадцать метров под пулями. Он уже собрался проделать серию соответствующих знаков, как у соседей на севере разгорелась стрельба. Для лейтенанта Желябина, командира третьего взвода, в понятии «разведка боем» ключевым словом было последнее. «Пользуйся моментом!» – ахнуло в мозгу.

– Ходу, парни... – выдохнул Максим.

И заметил краем глаза, как бесшумно встают бойцы его взвода, бросаются вперед, опережая «батюку»...

Задача перед ротой капитана Гордеева стояла ответственная и трудоемкая: боем уточнить расположение огневых средств противника, концентрацию войск на участке фронта и уязвимые места в обороне. В ночь на 14 апреля подобная задача ставилась всем подразделениям 1-го Белорусского фронта, готовым атаковать группу армий «Висла», прикрывающую Берлин с востока.

На южной окраине поля пробудился крупнокалиберный немецкий пулемет, но подчиненных Коренича это уже не касалось: шустрый бросок, пока противник отвлекся; пара мгновений – и бойцы в маскировочных комбинезонах уже падают в траншеи. Очень к месту объявилась луна, подсветив местность.

Немцев в траншее оказалось немного – душ пять вместе с офицером. Наблюдательный пост, не отличающийся должным радением. За халатность фашисты ответили сполна: их вырезали в несколько секунд. Корович спикировал на ахнувшего фельдфебеля, сдвинул горло предплечьем, повалил, терпеливо дождался, пока тот уймется. Справа сержант Шабалин, ни разу не гуманист, всадил нож в живот своему противнику, провернул, разрывая куцую шинельку вермахта, отшвырнул покойника. Слева ефрейтор Сорокин убивал низкорослого «шютце» саперной лопаткой. Офицер предпочел ретироваться, оттолкнул зазевавшегося Чубакина, помчался по траншее, отпрыгивая от стен, как мячик. Шабалин уже закончил разминку, схватил с земли ППШ, хлестнул по спине офицера сердитой очередью; полюбовался, как тот картинно кружит на месте, прежде чем упасть; харкнул на дно траншеи.

– Товарищ лейтенант, нам ведь «язык» не требуется?

– А ты зачем это спросил, сержант? – поинтересовался Максим. – Оживлять пойдешь, если прикажу?

Солдаты нервно захихикали. Привести живого, говорящего офицера в расположение дивизии было бы неплохо, да что уж теперь... Максим включил фонарь – глупо было скрывать от врага свое присутствие, не за тем пришли. Потерь во взводе, кажется, не было. Бойцы рассредоточивались по траншее, в выносных пулеметных ячейках. Молодой Смолянский споткнулся об окровавленный труп, а когда поднялся и обнаружил на себе чужие мозги, сбил фонтаном.

– Идиот! – воскликнул Сорокин, на которого тоже попало. – И чем тебя мать родила, снайпер ты наш?

– Шикарно смотрите, парни... – сдавленно хихикал рядовой Чумак. – Я, кстати, говорил, что Смолянскому за ужином вторую порцию можно не накладывать.

Солдаты заржали в кулаки. Редкая удача – все живы. Шабалин рассудительно заверил, что труп врага смотрится аппетитно, и не хрен отдельным товарищам кривиться так, будто им сонную артерию пережимают. Чумак похлопывал по плечу необстрелянного Зинченко.

– Открывай глаза, боец, уже не страшно. Эй! Ты не сильно занят, нет?

Немцы перед появлением разведчиков собирались перекусить. На мятой, явно залежавшейся газетке, изобилующей победными реляциями с фронтов и фото удрученных янки с поднятыми руками, плененными под Арденнами, лежал желтоватый хлеб в целлофановой обертке, несколько яблок, луковица и копченая колбаса, порезанная микроскопическими дольками.

– Бедненькие, – театрально вздыхал ефрейтор Глазчук. – Проблемы у фрицев с провиантом – скоро друг дружку жрать начнут... Малышкин, не трожь яблоко, мыть его надо!

– Зачем? – не понял солдат.

– Его фашисты грязными руками трогали, – под смех однополчан объяснил ефрейтор.

– Так, оставить веселье, – распорядился Коренич. – Соседи уже воюют, а мы тут шутки шутим. Все на месте? Никого не потеряли?

– Хомякина нет, – быстро пересчитал бойцов Шабалин. – И где вечно бродит этот хрен с гармошкой?

За виртуозную игру на баяне рядовому Хомякину прощалось все. А уж если начинал петь, то вся передовая пускала слезу умиления, и даже немцы на какое-то время прекращали стрелять. «В фашистов бы так попал, как в ноты», – беззлобно ворчал командир стрелковой роты капитан Гордеев.

– Да спит опять где-то, – проворчал Сорокин. – Он или на гармошке, или спит...

– Моргнул неудачно? – тут же среагировал Чумак. – А что, мужики, у меня однажды был такой случай – я как раз не выспался перед атакой...

– Уже и по нужде отлучиться нельзя, – проворчал «музыкальный» Хомякин, выбираясь из блиндажа и подтягивая штаны. – Все в порядке, товарищ лейтенант, вражеский блиндаж заминирован. Если фрицы сюда вернуться, да еще наступят...

– Всё, заткнулись! – рявкнул Коренич, перекрывая ржач. – Идем параллельно по отделениям – по ходам сообщений. Шабалин, Максимов, командуйте людьми. Я буду с третьим отделением. Рубеж – полтора метра. Работаем, парни, работаем.

Опасность начиналась за указанным рубежом. Небо за холмом озаряли осветительные ракеты. По обширному полю, по подножиям лесистых холмов распространялся мерцающий свет. Соседние подразделения щупали свинцом позиции неприятеля, выявляли огневые точки. Пространство чертили серебристые трассеры. Было видно, как между кочками перебегают люди. Приказ есть приказ, но в эффективность подобных мероприятий Максим не очень верил. Противник понимает, что это не наступление, и вряд ли пойдет с козырей раньше времени. Подготовка к наступательной операции проводилась в условиях повышенной секретности. Командование знало, что немцы ожидают удара по Берлину. Но где? Машина 1-го Белорусского фронта форсировала Одер и зависла над Берлином – у Зееловских высот, напротив отвоеванного Кюстринского плацдарма. Южнее действовал 1-й Украинский фронт маршала Конева – предполагалось, что он не будет участвовать в штурме столицы, а пойдет южнее, на Шпремберг, рассекая и сковывая боями войска группы армий «Центр». Бить по Берлину хотели внезапно и туда, где немцы не ждали удара. Командование велело «пустить пыль в глаза противнику».

На северо-востоке – в районе Штеттина и Губена – наши войска имитировали подготовку к наступлению 1-го и 2-го Белорусских фронтов. У Зееловских же высот, где в действительности намечался главный удар, велись энергичные оборонительные работы: люди и техника демонстративно зарывались в землю, возводились ДОТы, блиндажи, тянулись траншеи. Политруки и командный состав подробно объясняли красноармейцам, что основной задачей на текущий момент является упорная оборона. Активизировались разведка и контрразведка – в расположение противника подбрасывались дезинформирующие документы. Доставка пополнений и техники тщательно скрывалась. Военные эшелоны маскировались под составы, везущие лес и продовольствие. Офицеров, проводящих рекогносцировку местности, переодевали в пехотную форму.

Круг посвященных был предельно узким. Помимо командармов, о готовящейся операции знали начальники штабов армий, начальники оперативных отделов и командующие артиллерией. Командиры полков получили задачи за три дня до наступления. Младшему комсоставу и красноармейцам задачу объявят за два часа до сигнала...

Коренич подгонял своих солдат – негоже было оставаться вдали от противника. Бойцы бежали по ходам сообщений – пригнувшись, не высываясь раньше времени. А на севере уже вовсю стреляли. Пулеметчики Желябина дразнили передний край обороны 9-й армии генерала Буссе. Взорвалось несколько снарядов – в бой вступала полевая артиллерия. Трещали автоматы. Немцам надоело, что под боком у них хулиганят, и они двинулись в контратаку, используя складки местности и разветвленную сеть траншей.

Снаряд взорвался пугающе близко – и траншеей засыпало. Рядовой Гришин как раз в этот момент неосмотрительно высунулся наружу; Максим схватил его за шиворот, повалил на землю. Красноармеец кашлял, отплевывался.

– Дурачина он, товарищ лейтенант, – прокомментировал вездесущий Чумак. – Не понял еще, что смерть – это надолго. Любопытный, как кошка. Что, Семен, невкусная чужая земля?

– Наша повкуснее будет, – отплевавшись, хрипел Гришин. – Хотя один, конечно, хрен, земля – она и есть земля... Виноват, товарищ лейтенант, исправлюсь.

– Тихо, – застыл идущий в авангарде младший сержант Антипов. – Немцы, товарищ лейтенант.

Солдаты распались, прижались к стенам траншеи. Немецкая речь звучала отчетливо – так, что ее не заглушала перестрелка в отдалении. Отрывистые команды звучали по фронту, за изгибами ходов сообщений. Максим плохо знал язык, хотя и учил его в школе; сейчас его знаний хватило, чтобы понять: господин оберфельдфебель приказывал отделению рассредоточиться и занять оборону, «поскольку русские свиньи где-то близко». Солдаты вермахта (хотя, возможно, и Ваффен СС) бряцали оружием; осыпалась земля с бруствера.

– Всё, капец... – пробормотал фаталист Малышкин и судорожно перекрестился.

– Капец, – согласился Антипов. – Хотя еще не всё. Делать-то чего будем, товарищ лейтенант?

– Поздороваемся? – задумчиво предложил Чумак.

– Наладим дипломатический контакт, – поддержал Сорокин.

– Приготовить гранаты, – глухо приказал Коренич. – Бросаем по одному, с интервалом в секунду. Каждый – по два броска. Поехали, мужики.

Лимонки Ф-1, гранаты оборонительного действия, обладали приличным радиусом поражения и убойной силой. Их можно было бросать лишь из надежных укрытий.

Бойцы швыряли с удовольствием, предвкушая потеху – и тут же падали, зажав уши. Земля вздрагивала, оглушительный грохот бил по ушам.

Густая пыль еще висела в воздухе, а Максим, оттолкнув Антипова, уже бежал по проходу. На тесном пятачке, где располагался блиндаж – сюда сходились лучами три траншеи, – валялись изувеченные тела. Коренич увидел контуженного немца – тот пятился к дальней траншее, заливая форму кровью из ушей. Фриц пристраивал автомат к бедру, но его руки тряслись, он просто не понимал, что делает. Застыл, углядев свою смерть на «кончике темноты», издал что-то похожее на вздох облегчения и повалился, прошитый очередью.

Один немец еще подрагивал, обводил мутным взором склонившихся над ним разведчиков. Малышкин задумчиво приставил ПППШ ему к груди, подумал и надавил на спуск. Немец вздрогнул и затих. Малышкин подумал еще, затем стащил каску и потер макушку.

– Враг убит, но совесть немного мучает? – хлопнул его по плечу Сорокин. – Нормально все, не бери в голову.

– Здо-о-орово мы их, – недоверчиво протянул Гришин.

– Ну да, – согласился Антипов. – Не дурью единой богаты мозги.

Малышкин очнулся от раздумий и озвучил мысль, терзающую весь личный состав победоносной Красной армии – от генералиссимуса до вшивой обозной собаки:

– Странно, мужики, почему они до сих пор не поняли, что нас не победить?

Взвод Желябина немного повоевал, но долго этим делом не увлекался, отступил в лабиринты траншей. Соседи слева, ведомые лейтенантом Шеботней, выпустили в противника весь боезапас и как-то притихли. Максим гадал – чем они там занимаются? Отделения его взвода соединились метрах в ста от переднего края и вели огонь, не поднимая голов. Похоже, в эту ночь весь передний край содрогнулся от разрывов мин, снарядов, от града свинца. Без потерь не обошлось – двоих бойцов ранило осколками снаряда, бухнувшегося в их траншею. Четверо потащили раненых в тыл. Двум отделениям Коренич дал приказ отходить – в их присутствии он больше не нуждался. Он все уже понял, запомнил, закрепил каракулями в блокноте при свете карманного фонаря. Оборонительные сооружения этого участка были устроены вполне привычно. Максим отметил пулеметные гнезда, батарею шестиствольных минометов, скорострельных полевых пушек, которые нужно было взрывать с воздуха.

Вскоре бестолковая стрельба начала затихать; и Коренича понемногу отпускало напряжение, сдавившее грудь. Раздражала лишь бестолковая трескотня пулемета MG-42: шальные пули летели вразнос и часто вспахивали землю на бруствере.

– Уважаю, едрить их! – скрипел зубами сержант Антохин. – У фрица патроны в пулемете не кончаются, все шпарит да шпарит. А у нашего Алексева, чуть что – «патроны кончились, я не виноват»... Так и хочется по башке дать... Товарищ лейтенант, нам долго еще тут куковать? Встретим дивный рассвет? А то у меня от этого тарарама скоро нервный тик по всей роже будет...

Взвод Коренича вернулся в полк за час до рассвета – с минимальными потерями и в неплохом настроении. Капитан Гордеев выслушал отчет, сделал пометки на карте, поблагодарил за службу и умчался докладывать начальнику оперативного отдела штаба дивизии. По информации, собранной разведчиками, на участке фронта перед 27-й дивизией не было ничего устрашающего.

О наличии глубоко эшелонированной обороны знали все. Немцам не хватало солдат. В пятый армейский корпус генерала артиллерии Вегера прибыло несколько батальонов 11-го корпуса СС и 56-й танковой армии генерала Вейдлинга, но это не сделало немцев неуязвимыми. Там сражался батальон фольксштурма – народное ополчение Третьего рейха, несколько подразделений мальчишек из гитлерюгенда, едва умеющих стрелять из фаустпатронов. Четвертый и шестой воздушные флоты рейха были фактически уничтожены – и уж точно не могли сопротивляться армадам советских бомбардировщиков и штурмовиков.

Немцы застыли в тревожном ожидании. Полуторамиллионная громада двух фронтов зависла над стасорокатысячной немецкой группировкой. К утру 15 апреля можно было сбросить маскировку. Гитлеровское командование физически не смогло бы за сутки подтянуть к Зееловским высотам достойное подкрепление. На рубежи выходили ударные соединения: 47-я армия генерал-лейтенанта Перхоровича, 3-я ударная – Кузнецова, 5-я ударная – генерал-полковника Берзарина, 8-я гвардейская – генерал-полковника Чуйкова. Изготовились к бою танковые армии Катукова и Богданова – их предполагалось пустить в сражение после того, как пехота прорвет высоту. Маршал Жуков, вознамерившийся взять Берлин в сжатые сроки без каких-либо «нахлебников» вроде маршала Конева, бодро рапортовал в Ставку о том, что армии готовы захватить столицу рейха за шесть-семь дней.

Максим Коренич волновался, как любой боец перед наступлением. Приказа еще не было, но он явственно витал в воздухе. Советский тыл гудел и громыхал. Через переправы на Одере нескончаемым потоком тянулись грузовики и бронетехника. На узловых станциях разгружались поезда. Подходили подкрепления, тянулись обозы тыловых служб. Солдаты изумленно тарасились на диковинных среднеазиатских верблюдов, тянущих груженые доверху повозки. С недоумением смотрели на подразделение, марширующее по прифронтовой дороге – солдаты были в немецкой форме, со знаками отличия, вооружены и экипированы. Командовал подразделением щеголь-офицер в фуражке с высокой тульей. Отличались от врага эти люди лишь тем, что носили на рукавах трехцветные красно-черно-желтые повязки – цвета Веймарской республики¹. Это шли бывшие военнопленные, жаждущие воевать против нацистов, так называемые «солдаты Зейдлица» – генерала вермахта, который достойно бился с большевиками под Сталинградом, а потом сдался в плен, когда фюрер предал свои окруженные армии; Зейдлиц объявил, что будет сражаться на чьей угодно стороне, лишь бы против Гитлера.

---

¹ Веймарская республика (нем. Weimarer Republik, Weimarer Republik (инф.)) – историографическое название немецкого государства в 1919—1934 годах в честь учредительного собрания, созданного в Веймаре для принятия новой конституции. Официально государство продолжало именоваться «Германский рейх» (нем. Deutsches Reich), как и во времена Германской империи (среди переводов слова «рейх» есть и «государство», и «империя»).

Максима Коренича поставили командиром взвода только месяц назад. Он помнил день, когда явился под светлые очи грузного капитана Гордеева. Тот стыдливо прикрывал рот, чтобы окружающие не почувствовали запах перегара. Гордеев всматривался в страницы личного дела офицера, переведенного со 2-го Белорусского фронта, поднимал голову, вздыхал, разглядывая застывшего навтыжку статного парня, в умных глазах которого плясал ироничный блеск. Доходило туго, ротному командиру приходилось читать вслух, чтобы отложилось в голове:

– Коренич Максим Евгеньевич, 18-го года рождения, уроженец города Могилев, москвич... – Последние два слова плохо соотносились в похмельном сознании капитана, он с усилием свел в кучку брови и строго спросил: – Еврей, что ли?

– Разве похож, товарищ капитан? – удивился Максим. – Отец белорус, мать русская. Но если изволите, буду евреем. В нашей стране ведь все национальности хороши, нет? Отец работал начальником узловой станции, в тридцать третьем его перевели в столицу – в управление железных дорог; мне пришлось доучиваться в Москве. Поступил в металлургический институт, в сороковом окончил. В действующей армии с сорок второго года. Прошел ускоренные офицерские курсы...

– Да я вижу, не слепой, читать умею, – перебил ротный, всматриваясь в прыгающие буквы личного дела. – Награждены медалью «За отвагу» и орденом Боевого Красного Знамени. Участвовали в сражениях на Курском выступе в качестве командира взвода; при освобождении Украины командовали диверсионно-парашютным взводом... и, судя по наградам, командовали неплохо... В чем дело, товарищ Коренич? – ротный вскинул голову, проявляя неуместную бдительность. – Из элиты, можно сказать – из разведывательно-диверсионного подразделения – вас переводят в обычную пехоту?

– А вы дальше читайте, товарищ капитан, – вздохнул Максим. – Там все написано. Неудачный прыжок, растяжение связок, два месяца в госпитале...

– А зачем мне калека? – насторожился Гордеев.

– Во-первых, что дают, то и берите, товарищ капитан, – начал терять терпение Максим. – Во-вторых, никакой я не калека. Бегаю и прыгаю лучше, чем вы и вся ваша рота. Но... по каким-то там критериям больше, увы, не гожусь для десанта.

Он умолчал про дядюшку по материнской линии, арестованного в тридцать седьмом году за участие в контрреволюционном заговоре с целью свержения Советской власти (Максим искренне не мог понять, как у человека, практически живущего на работе в одном из подразделений наркомата авиационной промышленности, нашлось время участвовать в каком-то заговоре). Избавиться от некрасивой строки в личном деле помог другой дядюшка – уже по отцовской линии, – «живущий» на работе в другом наркомате – юстиции. Максим умолчал, что был женат и развелся. Умолчал, что в сорок четвертом десять суток просидел на «губе» – избил подлеца при должности, по вине которого погибли люди. Умолчал, что временами, особенно в ненастье, недолеченную ногу выкручивает такая адская боль, что хочется лезть на стенку и покромсать в капусту некомпетентного хирурга, перепутавшего разрыв связок с растяжением и едва не оставившего бравого лейтенанта без ноги...

Командир второго взвода был убит неделей ранее. Ротный старшина, присматривающий за взводом, с таким восторгом передавал Кореничу дела, как будто после этого собрался ехать в Анапу. Личный состав Максиму попался терпимый – за исключением третьего отделения, где собралась строптивая и независимая публика. «Отделение буйных», – по секрету поведал старшина. Но трудностей Коренич не боялся. И о смерти старался не думать...

Ко всему он был готов... кроме того сюрприза, что преподнесла судьба под занавес войны. Взвод Желябина проглядел на переднем крае батарею дальнобойных 120-миллиметровых орудий!

В полдень 15 апреля позиции 27-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии подверглись массированному обстрелу. Львиная доля огня обрушилась на замаскированный командный пункт в километре от передовой, откуда командование фронта собиралось наблюдать за ходом предстоящего наступления! Через полчаса туда должен был прибыть командующий фронтом – и ему повезло, что немцы поспешили с обстрелом. Что-то не срослось у наводчиков, засевших на советской территории. Мощные снаряды накрыли ЗКП, превратив его в груды битого бетона и цементной пыли. Под завалами погибло отделение военных строителей, завершавших работы, генерал-майор из штаба 8-й армии и несколько штабных офицеров.

«Оружие возмездия» запрягали долго. Залпы установок реактивного огня накрыли квадрат, откуда велась стрельба, но немцы уже увели и замаскировали батарею. Возможно, Желябин и не был виноват – немцы могли подтянуть орудия позднее, – но это уже никого не волновало. Прославленный командующий 1-м Белорусским фронтом метал громы и молнии, орал на подчиненных громовым голосом и требовал, чтобы виновные в этой вопиющей преступной халатности были наказаны немедленно – без суда и следствия, по всей строгости военного времени. «Всех расстрелять!»

Командование 27-й дивизии не могло послушаться маршала. Фронтальная Фемида не церемонилась. Немедленно взяли под стражу капитана Гордеева, чьи люди так цинично манкировали своими обязанностями (он даже не успел допить свою последнюю фляжку); арестовали лейтенанта Желябина, чьи люди проводили разведку там, откуда садили крупнокалиберные орудия. Разжаловать, лишити должностей, наград, исключить из партии, как запятнавших свою честь несмываемым позором...

Потрясенных, ничего не понимающих офицеров вывели на задворки штаба дивизии и зачитали наскоро состряпанный приговор. Желябин расплакался. «Вы что, ку-ку?» – покрутил пальцем у виска Гордеев.

Ответом был залп из карабинов.

Во вторую очередь хотели расстрелять всех выживших солдат из взвода Желябина, но кто-то, не рассорившийся с головой, успел пресечь этот идиотизм. Приказом командира части всю компанию отправили в штрафную роту на долгие три месяца. Но штабные подхалимы в погонах, страшась гнева маршала, не собирались останавливаться на достигнутом. Рота Гордеева запятнала себя вся – значит, и ответить должны были все. Во всяком случае, весь командный состав.

Тремя офицерами роты НКВД был арестован лейтенант Шеботня, командовавший первым взводом и не имевший никакого отношения к случившемуся.

За Кореничем пришли, когда бойцы его взвода занимались общественно полезной работой. Водитель грузеной полуторки с прицепом посчитал, что проехать по луже – это забавно. Под лужей оказалась яма, машина села по самые рессоры. Водитель, пытаясь выбраться из западни, пережал газ, чем и добил изношенный движок. Из капота повалил густой дым. «Отличная попытка», – похвалил ответственный за перевозку офицер и схватился за голову. За прицепом образовалась пробка, машины возмущенно гудели, обескураженный водитель мялся у машины, надеясь, что, может быть, все само заработает. Люди Коренича, ставшие свидетелями инцидента, дружно выталкивали полуторку из ямы, чтобы освободить дорогу другим машинам. В этот момент и подъехали трое на открытом джипе.

– Лейтенант Коренич? – скучным голосом осведомился капитан в фуражке с красным околышем. – Капитан Кижуч, уполномоченный особого подразделения по охране тыла действующей армии. У нас имеется постановление о вашем задержании. Извольте сдать личное оружие и следовать за нами в штаб дивизии.

Сердце Максима рухнуло куда-то под ребра, по спине побежал холодный пот. Отважный офицер, не боящийся врага, привыкший презрительно смотреть в лицо смерти – паниковал, и всех его сил едва хватало, чтобы выглядеть спокойным. Максим криво ухмыльнулся.

– Вы уверены, что ничего не перепутали, товарищ капитан?

– Коренич, не заставляйте применять к вам силу, – в скучном голосе капитана Кижуча заскрипела ржавчина.

– Да в чем дело, черт возьми? – вспыхнул Коренич. – Я боевой офицер, какое вы имеете право... – и осекся.

– Товарищ лейтенант, вы только прикажите... – шепнул в затылок сержант Шабалин. – Мы не дадим вас в обиду этим легавым.

– Отставить, сержант, – вздохнул Коренич. – Я скоро вернусь. Это глупая ошибка.

Энкавэдэшники отвезли Максима в штаб. По дороге его бросало из жара в холод. «Бред слабоумного!»

В штабе дивизии их с Юркой Шеботней, впечатлительным парнишкой из Томска, выставили перед взволнованным полковником. При этом ненавязчиво присутствовал некий майор, с интересом наблюдавший за действиями последнего. А тот срывал с офицеров погоны, обвинял в смертных грехах, смысл коих плохо доходил до Максима. В мозгу лишь отложилось, что едва не погиб командующий фронтом, и присутствующие к этому причастны. Так и подмывало спросить – причастны к тому, что не погиб? Еще Максим услышал, что лейтенанты Коренич и Шеботня лишаются должностей, воинских званий, правительственных наград и обязаны смыть вину перед Родиной службой в 1-м отдельном штрафном батальоне 8-й гвардейской армии, куда они направляются сроком на месяц. Приказ командира дивизии уже подписан, копия отправлена в политотдел, другая – в Военный совет армии. Штрафной батальон под командованием майора Трофимова готовится к наступлению в двух километрах южнее, у деревни Авельхорст, и рядовые Шеботня и Коренич со всеми сопроводительными бумагами должны отправиться туда немедленно!

– Машина уже ждет! Пошли вон! – завопил полковник.

Потрясенных бывших лейтенантов прогнали по коридору во внутренний двор и загрузили в кузов битой осколками полуторки, где уже сидели какие-то бледные личности – в форме, но без погон.

Максим знал, что в Красной армии существуют штрафные подразделения, из которых живыми в регулярные части возвращаются единицы. Об этом невозможно было не знать. Приказ Народного комиссара обороны под номером 227, изданный 28 июля 1942 года, именовался громко: «Ни шагу назад!». Подоплекой было поражение под Харьковом, сдача врагу Ростова-на-Дону. Согласно приказу, ужесточалась дисциплина в войсках, запрещалось отступать без распоряжения вышестоящего начальства. Тем же приказом вводились штрафные отряды, которые должны были пресекать отступление и ловить дезертиров. Тем же приказом вводились штрафные батальоны в составе фронтов и штрафные роты в составе армий.

В штрафные роты отправляли рядовых и сержантов, совершивших воинские или уголовные преступления. В штрафбаты – разжалованных офицеров, от младших лейтенантов до полковников. Отправить человека туда мог или приказ командования, или приговор военного трибунала. Командовали штрафными подразделениями кадровые офицеры.

Штрафников бросали в самое пекло – практически никому не удавалось отбыть «от звонка до звонка». Освобождала смерть; освобождало ранение, требующее госпитализации; теоретически могло освободить решение Военного совета – для этого командир штрафного подразделения должен был просить о поощрении своего солдата за мужество и героизм...

Максим прекрасно помнил, как в боях за освобождение Киева на штурм ответственной высоты бросили две штрафные роты. Пятьсот душ, гонимые ужасом, бежали по раскисшему от дождей полю, когда на них обрушился шквал огня. Раненых практически не было. На открытом пространстве, где простреливался каждый сантиметр, обе роты погибли в считанные минуты; пали и командир, и замполит, до последнего момента оравшие: «Вперед!». Ни один не добрался до немецких позиций. Пятьсот парней – было, и не стало. Полегли без пользы. Ночью подтянули пару батарей-«сорокапятки», хорошенько вспахали немецкие позиции, потом советские танки их тщательно проутюжили, и высота досталась без потерь. За что погибли штрафники? Почему было сразу не подтянуть артиллерию? Техника наперечет, а пушечного мяса навалом? Максим как наяву видел это поле, заваленное мертвыми телами: объятые ужасом мертвые глаза, распахнутые рты, сведенные посмертной судорогой...

Максим Коренич и в страшном сне не мог себе представить, что окажется частью мира смертников. Он не совершал преступления! Он воевал, как мог, и, по мнению «специалистов», неплохо... Трагедия заставила Коренича замкнуться в себе, смотреть на события со стороны, так, будто они к нему не относятся – иначе пришлось бы поверить в собственную скорую и неминуемую смерть.

А события неслись с бешеной скоростью. О том, что фронт перейдет в наступление, командиры частей уже знали. Личному составу объявили: наступление начнется за два часа до рассвета. И пусть хоть одна сволочь помешает советским войскам взять Берлин!

Максим Коренич стоял в строю рядом с такими же, как он – в солдатской форме, в заношенной телогрейке, в своих «родных» офицерских сапогах (с обувью у интендантов были проблемы). За спиной ППШ, на поясе двойной комплект гранат, запасные дисковые магазины для автомата, фляжка с водой, котелок с вмятиной от осколка. Полностью укомплектованный разжалованными офицерами батальон выстроился буквой «П» на окраине пустой деревни. Восемь сотен рядовых, полтора десятка офицеров – взводные, ротные, оперуполномоченный контрразведки СМЕРШ (куда ж без него?) молчун капитан Хайруллин, «бледнолицый» и лощеный замполит капитан Кузин, кругловатый, с виду добродушный майор Трофимов – командир штрафного подразделения, местный царь и бог. Он прохаживался перед строем, критически оглядывая свое войско. Скользнул взглядом по Кореничу, не запомнивая. Если верить шептуну за спиной, штрафбатом майор командовал уже четыре месяца, и дважды его подразделение пополнялось с нуля – и переменный состав, «военные преступники», и постоянный – офицеры, связисты, повары и медицинские работники. В Померании батальон poleg почти целиком – в строю остались несколько солдат, три офицера и круглая ротная печать, удар которой о бумагу вновь превратил формальную войсковую единицу в реальную...

– Ну что, элита из элит, – добродушно прогудел Трофимов, когда ему надоело любоваться серыми солдатскими лицами. – С дисциплиной вы знакомы не понаслышке, это очень хорошо. Нет нужды объяснять, что означают приказы «в атаку», «ни шагу назад» и что будет с теми, кто ослушается. Я не зверь, товарищи красноармейцы, – самоуверенно объявил майор. – Те, кто воевал со мной, знают, что я солдат не обижаю и где-то даже понимаю. Я вообще не кровожаден. Обижать солдат, – ухмыльнулся в усы комбат, – это по его части, – он кивнул в сторону замполита.

Капитан Кузин натянуто усмехнулся, солдаты тихо зароптали.

– Шучу, шучу, – быстро поправился Трофимов, но осадок остался. – Если мы сказали «в атаку», товарищи бойцы, значит, вы идете атаку, и ничего тут не попишешь. И мне плевать, кем вы были раньше – хоть батальоном командовали, хоть полком, за что «сидите» и считаете ли себя виновным – мне глубоко и искренне плевать. Вопросы есть? Может, пожелания – с формой что-то не так, с обувью, оружием, амуницией? Скоро в бой, и если кому-то из вас,

например, жмут подмышки... Впрочем, время навестить интендантскую часть у вас еще останется. А сейчас передаю слово моему заместителю по политической части капитану Кузину. Просьба, как говорится, любить и жаловать...

Майор Трофимов, невзирая на видимое простодушие, был сложным и неоднозначным человеком – Максим понял, что не может с ходу его раскусить. С замполитом было проще: хитрый, надменный, умный, любит поболтать на политические темы – в полном соответствии с генеральной линией партии и правительства. Замполита Коренич практически не слушал. Тот вещал пространно и напыщенно, смотрел вперед холодно и отстраненно, улыбался неискренне, и для завершения образа замполиту не хватало рожек и вилок. Он говорил о срочной необходимости добить врага в его логове – пока за нас это не сделали наши уважаемые, но идеологически «неправильные» союзники. О том, что сделать это надо не позднее 22 апреля – ко дню рождения Владимира Ильича Ленина (но можно и к 20 апреля – ко дню рождения Адольфа Гитлера, что будет неплохим подарком). О социалистической сознательности, которую солдаты должны излучать каждой клеточкой своего тела. О верности курса партии большевиков и неустанной заботе товарища Сталина о каждом советском человеке. О том, что советский солдат на чужой земле должен быть образцом отваги, мужества, чести, высоко нести звание советского человека и снисходительно относиться к мирным жителям и сдавшимся солдатам вермахта (к войскам СС сие не относится). Ведь гитлеры, как мудро заметил товарищ Сталин, приходят и уходят, а многострадальный немецкий народ остается. Впрочем, следует признать, что страдания немецкого народа не идут ни в какое сравнение со страданиями граждан Союза Советских Социалистических Республик...

– А теперь печальная новость, – объявил майор Трофимов, когда замполит выдохся и отступил назад. – Соседи съели наш ужин.

Майор дождался, пока печальный ропот стихнет, и описал подробности:

– Полевые кухни, направляющиеся в расположение батальона, по невыясненным обстоятельствам оказались в распоряжении 234-го стрелкового полка, бойцы которого посчитали, что это добавка, очень обрадовались, ну и... – майор притворно скорбно развел руками. – Виновные в головоутишении будут наказаны, но съеденного, как говорится, не воротишь.

– Такая печаль, такая печаль, – иронически пробормотал стоящий слева от Максима бывший старший лейтенант артиллерии Борис Соломатин. – Этот мир устроен так жестоко... Кстати, насчет возврата съеденного, товарищ, – покосился он на Коренича. – Я бы с удовольствием сейчас выдал то, что мы съели на обед, и если нас через пять минут не распустят...

– Ваша информация устарела, Иван Петрович, в смысле, товарищ майор, – сухо улыбнулся замполит. – Не ввергайте в ужас вверенное вам подразделение. Работа уже проведена. Прибытие полевых кухонь ожидается через полтора часа – так что в этом плане полный порядок.

Снова сдержанный гул по рядам; подавляющее большинство штрафников были боевыми офицерами, элитой Вооруженных сил, и реагировать на все суетное и тщетное они должны были именно сдержанно.

– Отлично, – улыбнулся майор. – Командиры рот, разводите людей! Штаны никому не снимать!

Максим постепенно приходил в себя. Главным было – отрешиться от прошлого. Не было прошлого – боевых наград, офицерского звания, послужного списка и практически незапятнанной репутации. Всё ушло в туман. Какая разница, где воевать? Везде убивают. А израненное честолюбие и щемящее чувство справедливости можно и нужно засунуть в задницу.

Порядки в штрафном батальоне меньше всего напоминали тюремные. Обычная воинская часть со своей спецификой: умирать раньше прочих. Начальство не зверствовало. В указанное время прибыли запряженные понурыми клячами полевые кухни. Солдат кормили мясом, гречневой кашей, было достаточно чая и хлеба. После ужина солдатам выдали по две порции сухого пайка – с наказом не уничтожать раньше времени, а растолкать по вещевым мешкам и забыть. Полевые кухни и повара не всегда успевают за наступающими частями.

– Налетай, голодная братва! Пейте-ешьте тут, на том свете не дадут, – приговаривал разбитной кашевар, плюхая кашу в протянутые котелки.

Солдаты угрюмо помалкивали: в прошлой жизни за такие слова кашевару набили бы морду.

Коренич осваивался, вступал в разговоры, с удивлением отмечая, что люди вокруг него – такие же, как он, и у каждого своя нелепая история. В прежней жизни он с Юркой Шеботней не был особенно близок, но тут они держались вместе – хоть какая-то связь с нормальной жизнью. Пермьяк Борька Соломатин утопил в пруду одно из орудий своей батареи: засмотрелся на лебедей, красиво пересекающих водную гладь, а подчиненные в это время нагадили. Артиллерийская поддержка атакующей роты оказалась слабой, подразделение не сумело закрепиться на высоте, и виновный нашелся – Соломатин без разговоров загудел в штрафбат. Здесь было много «желторотых» – необстрелянные лейтенанты, только окончившие офицерские курсы, ошибались, не зная, как вести себя в реальном бою. Кто-то мешкал с наступлением, кто-то приказывал стрелять не туда, кто-то не выполнял приказы – не по трусости, а по растерянности, неспособности сориентироваться в меняющейся обстановке. Досадная оплошка при объявлении координат стрельбы перед командой «Пли!» – минометная батарея накрыла железнодорожное полотно, необходимое советским войскам, и лейтенант Кибальчик получил заслуженную «путевку» в штрафную часть (хорошо хоть, к стенке не поставили). Лейтенанта Блинова пронзил понос перед атакой – то ли съел что-то несвежее, то ли правилами гигиены пренебрег. Командовать взводом в таком состоянии он, разумеется, не мог, судорожно метался, юркнул в блиндаж, который мгновением ранее покинул командир роты... Говорят, что на суде хохотали даже члены трибунала. Но закон суров, а физиология вторична. У лейтенанта Ахмадянова при транспортировке по железной дороге пропало вверенное имущество – четыре станковых пулемета. Инцидент, как выяснило дознание, случился на одной из станций в Западной Украине, где в лесах бандеровцев больше, чем малины, а всплыло это лишь после прибытия на конечную станцию в окрестностях Одера. Комроты капитан Бугаенко проявил неуместное в боевой обстановке милосердие к врагу: при штурме деревни в Восточной Померании пленил два десятка солдат вермахта и, впечатленный их мужеством и самоотверженностью, сделал благородный жест: отпустил офицера – якобы повел расстреливать, а сам пальнул в воздух, козырнул и объяснил на ломаном немецком, чтобы проваливал. О благородстве капитана стало известно солдатам, и кто-то настучал в Особый отдел. Добродушный и безвредный майор Писарчук командовал медсанбатом и лично проводил операцию «походно-полевой жене» командира полка, которой при налете вражеских истребителей повредило ноги. Спасти конечности было невозможно, началась гангрена, пришлось ампутировать, невзирая на протесты и гневные реляции опечаленного любовника. Подполковник бушевал, хватался за пистолет, грозился лично расстрелять всех хирургов, у которых «руки из задницы растут». Апофеозом гнева стал отчет военно-полевого медика (бывшего ветеринара), в котором черным по белому было написано про «ампутацию задних конечностей». Писарчук этот ляп проглядел. Майор Орехов отбывал двухмесячный срок за «попустительство к мародерству» своих подчиненных – солдат повязали, когда они в массовых количествах отправляли домой посылки, набитые одеждой и «изделиями немецкого ювелирного промысла», а их начальник был не в курсе. Капитан Рывкун изнасиловал молоденькую полячку – внучку функционера из просоветского Коми-

тета национального спасения (с возмущением уверял, что девица сама кокетничала и строила глазки, от чего, собственно, и пошатнулись моральные устои сурового офицера). Лейтенант Дерезко, к удовольствию немцев, завел солдат на минное поле. Капитан Ситников напился в боевой обстановке и орал, что не будет исполнять вредные приказы, чреватые уничтожением его подразделения. Майор Богомолов с вверенной ему комендантской ротой едва не прошляпил знамя гвардейского полка: немцы прорвались на фланге, потрепали штаб, и, кабы не находчивость одного быстрого сержанта, часть пришлось бы расформировывать, а память о ней – предать позору.

Перед рассветом 16 апреля вся мощь артиллерии 1-го Белорусского фронта обрушилась на позиции 9-й немецкой армии. Одерско-нейсенский рубеж состоял из трех оборонительных полос общей шириной около сорока километров. Немцы использовали все детали рельефа: реки, озера, каналы, овраги, обширные леса на холмах. Каждый дом, каждая деревня превращались в опорный пункт и были приспособлены к круговой обороне. Четырнадцать вражеских дивизий скопились на направлении главного удара. Немцы спешно подтягивали последние резервы – вспомогательные воинские части, батальоны фольксштурма, мальчишек из гитлерюгенда...

За два часа до рассвета в полосе 1-го Белорусского фронта началась артиллерийская подготовка. Девять тысяч орудий и минометов, полторы тысячи реактивных установок в течение получаса перемалывали первую полосу обороны. Артиллерийский огонь пронесся по траншеям, словно смерч. Все пространство до горизонта озарилось ярким светом. Германские позиции заволкло густым дымом. Земля взрывалась, вскидываясь в небо фонтанами грязи и бревен. Кружились испуганные птицы...

Штрафники стояли плотно – в извилистой траншее, дожидаясь сигнала к атаке. Каждый солдат – комок нервов, сжатая пружина. Задача была ясной: не озираясь на соседей, прорвать первую полосу обороны и закрепиться на высоте близ деревни Гайссенау. Грохот артиллерии звучал в ушах бойцов самой нежной музыкой. Им так не хотелось, чтобы она умолкала...

Но вскоре «боги войны» перенесли огонь в глубину обороны, что недвусмысленно намекало: вот-вот последует сигнал. Уже не так закладывало уши. Люди общались вполголоса, кто-то пошучивал – начинаем, дескать, утренний концерт по заявкам.

– Держишься? – пихнул Максим прильнувшего к брустверу Шеботню.

– Держусь, Максим, – усмехнулся разжалованный лейтенант. – Страшно только...

Справимся, ничего. Тебе ведь тоже страшно?

– А мне всегда перед боем страшно, – признался Максим.

Горькая правда – страх погибнуть врос в подкорку. Коренич научился им управлять, уверял себя, что это не страх, а инстинкт самосохранения, который, как и боль, есть у любого человека, и что это совсем не трусость.

– Хорошо, что заградительные отряды упразднили, – пробормотал побледневший Кибальчик – статный парень, потеющий так, что все его лицо казалось намазанным толстым слоем гусиного жира.

– А что тебе заградительные отряды? – покосился на него бывший капитан Рывкун. – Отступить собрался?

– Да нет, – смутился Кибальчик. – Просто неприятно, когда тебе в спину свои же пулеметы тарашатся...

– Слушайте, мужики, а куда мы наступаем? – подал голос молодой и нескладный Дерезко. – Что там за высотой – поле, лес, страна чудес?

– Кладбище, – ухмыльнулся немногословный и циничный Ситников. – Ты еще добеги до этой высоты, с фрицами отношения выясни, а потом спрашивай.

– Говорят, здесь повсюду болота, – бормотал чернявый Ахмадянов. – Мол, до самого Берлина – болота, леса и овраги...

– Жалко, что Войско Польское на другом фронте воюет, – протянул бывший майор Орехов. – Поляки еще со времен Сусанина обожают по болотам шастать.

Кто-то усмехнулся, кто-то сдержанно рассмеялся.

– Батюшку надо было пригласить, – как-то непонятно изрек бывший майор Богомол; пояснил, заметив недоумение окружающих. – Уж не знаю, как полит-отдел проглядел... хотя, возможно, это их инициатива и была – в 312-й полк перед наступлением на Варшаву прибыл самый настоящий православный поп, с бородой и в рясе. Всех желающих построили, он ходил по рядам, что-то пел, камлал и бойцов освящал, а еще раздавал крестики – мол, Господь вас теперь хранит, можете не бояться и смело идти в бой.

– Да ну, – засомневался Рывкун. – Если каждый повесит на себя крест и помолится... и что, в бою никого не убьют? Не, мужики, нереально.

– А у нас почти каждый на хирургическом столе молится, – вздохнул бывший начсанбата Писарчук. –

А если не умеет, то все равно Бога поминает, что-то просит у него, умоляет – думает, что Боженька сейчас все бросит и кинется исполнять его пожелания...

«Дань русской традиции, – подумал Максим. – Это еще не значит, что Бог существует и всех бережет. Судя по этой войне, нами правит не Бог, а дьявол, причем он-то все видит...»

Оборвалась артиллерийская подготовка. Взвились в воздух тысячи разноцветных ракет, и в полосе наступления 1-го Белорусского фронта вспыхнули полторы сотни мощных зенитных прожекторов. Осветились высоты, распаханные снарядами. Это было так внезапно и торжественно, что все застыли в нелепом благоговении.

– Ни хрена себе иллюминация, – восхищенно протянул Кибальчик. – Послушайте, товарищи, это что же получается? Мы пойдем в атаку и будем у противника как на ладони?

– Дурында ты, Кибальчик, – огрызнулся Ситников. – Просто наконец-то наше командование сделало что-то толковое. Это противник будет у нас на ладони, а не мы у него. Прожектора слепят немцев, понимаешь? Враг будет дезориентирован, разбит и покатится, теряя штаны, к Берлину...

– И победа будет за нами, – поддержал Богомол.

– Бойцы, приготовиться к атаке! – проревел из темноты замполит Кузин. – Родина смотрит на нас с надеждой, не подведем ее!

– Ну, вот, – прокомментировал Ситников. – Родина-мать позвала. Странно, только у меня сложилось мнение, что если государству от нас чего-то надо, оно называет себя Родиной?

В его ремарке звучало что-то антисоветское. Но никто не вдумался в его слова. Не до этого было. Солдаты готовились к броску, тяжело дышали, утирали пот со лба.

– Ну, с Богом... – как-то обреченно вымолвил Орехов.

– С кем, с кем? – ухмыльнулся Бугаенко.

– Блинов, а ты на горшок не забыл сходить? – спохватился Борька Соломатин. – Не накопилась еще критическая масса?

И все, кто это слышал, покатались со смеха: история с поносом Блинова стала притчей во языцех.

– Да пошел ты, – обиделся Блинов. – Сколько можно уже?

– Батальон, в атаку!!! – взревел прокуренным голосом майор Трофимов.

Все это странное формирование, называемое отдельным штрафбатом 8-й гвардейской армии, напоминало Максиму Добровольческую армию генерала Деникина, состоящую сплошь из офицеров. Те тоже храбро дрались, берегли офицерскую честь, от поручика до

полковника – хотя и были низведены до рядовых, опозорены, унижены; одни сломались, другие погибли, но остальные шли с поднятой головой, отстаивая свой путь и свои, пусть и ошибочные, убеждения – цвет и краса Белого войска, последняя надежда погибающего эксплуататорского строя. Каждый боец – индивидуальность, независим в суждениях, хочет выделиться, ревниво смотрит на соседа...

Можно было не сомневаться, что батальон Трофимова бросили на самую укрепленную высоту. Людская лавина – все восемьсот человек – катилась по полю в пелене речного тумана, в пороховом дыме. Люди орали что-то непотребное, непередаваемое, ужасное, но так помогающее идти вперед под проливным огнем в адской мясорубке! Кто-то вываливался из толпы, падал; и чем ближе бойцы подбегали к переднему краю, тем меньше их оставалось. После ужасного артобстрела немцы не могли прийти в себя, иначе сопротивлялись бы жестче. А им еще и светили в глаза... Разрозненно трещали автоматы, свистели мины, работали уцелевшие пулеметные расчеты. Но всё было ясно: на данном участке, под неведомой деревней Гайссенау, немцы не устоят.

А ведь наступал весь фронт!

Людские ручейки просачивались сквозь разрывы в колючей проволоке, распались. Высота приближалась, огонь усиливался; солдаты передвигались перебежками. Одни бросали гранаты – хоть и не долетят до окопов, но прикроют перед противником. Другие подтаскивали пулеметы, открывали встречный огонь по немцам. Подготовленный офицер, прошедший сквозь горнила сражений, пусть даже и штрафник, никогда не будет бездумно рисковать своей жизнью. Он постарается выжить, чтобы и дальше быть полезной боевой единицей.

На восьмой минуте атаки передовые цепи, самые незащищенные, достигли переднего края и ворвались в окопы.

– Ну, вот мы и дома! – проорал Соломатин, «солдатиком» прыгая в траншею.

Немцы панически бежали. Все происходящее: жестокий артобстрел, адская «раздевающая» иллюминация, страшные «иваны» в телогрейках – подкосило боевой дух истинных арийцев. Они срывались, переставали воспринимать реальность. Кончились дни, когда «война была войной, а шнапс был шнапсом». Сопровивлялись немногие – чисто по инерции, бездумно.

Схватка в траншее была короткой. Били как попало и чем попало. В объятиях Максима визжал и дергался нервный «панцергренадер» – заволнуешься тут, когда старуха-смерть хохочет в глаза. Солдатская масса затопила окопы, бойцы стреляли вслед убегающим.

– Нихт шиззен, нихт шиззен... – заикаясь, бормотал солдат, скорчившийся на дне траншеи.

Он закрывался руками, словно они могли остановить пулю, дрожал от страха, брызгал слюной. Блинов пристрелил его, пробегая мимо, потом вернулся, почесал затылок и побежал дальше. Солдаты разбежались по окопам, достреливали «отстающих».

– Черт, нога полomалась! – взревел кто-то, когда на него обрушилась часть наката.

– Хитрый, да? – тут же среагировал другой солдат, бросаясь на помощь товарищу. – В тыл захотелось?!

– Да не хочу я в тыл, вашу-то мать, – ныл пострадавший. – Я немцев добивать хочу... Анищенко, неси меня в бой! – стонал он под дружный хохот однополчан.

Вскоре выяснилось, что несколько немцев – из тех, кто не успел удрать и не решился погибнуть, – набились в просторный офицерский блиндаж и шлют оттуда экстренные позывные.

– Мужики, тут в блиндаже немцев хренова туча! Чего делать-то с ними? Вроде не стреляют! Может, гранатой их попробовать?

– Рус, не стреляйт! Рус, не стреляйт! – взывал из блиндажа на ржавой ноте «знарок великого и могучего». – Мы сдавайся! Мы не эсэс! Рус, не стреляйт, мы сдавайся!..

– А чего это мы сдавайся? – смеялись бойцы. – Сам сдавайся, фриц долбаный!

– Неподдающийся русский язык, – объяснил под хохот интеллигентный Бугаенко. – Слово «сдавайся» зазубрили еще в сорок первом, а вот слово «сдаемся» пока не получается. Но ничего, научим.

– А ну, немчура, выходи строиться! – проревел комроты Трофимов. – Оружие на землю, руки за голову – и все подобострастно улыбаемся! Так и быть, не будем стрелять!

Блиндаж, конечно, был вместительным, но чтобы в него набилось такое множество перепуганных людей...

Немцы выходили и выходили и выходили – оборванные, окровавленные, моргающие от страха. Бросали оружие у входа, вздымали руки – так высоко, как могли, – что-то лопотали на своем языке. Многие тянули солдатские книжки – чтобы показать, что они не эсэсовцы. Рядовые, фельдфебели с витыми ромбами на погонах, белобрысый гауптман, плешивый обер-лейтенант с трясущейся губой. Кто-то судорожно срывал с мундира нашивку в виде орла – символ Третьего рейха. Растерянные, подавленные, пережившие тяжелый психологический шок, это были уже не враги, не солдаты – жалкая толпа, сдающаяся на милость победителя.

– Вот он, ледящий душу капут, – растягивал рот в скабресной ухмылке лейтенант Смуглянский, командир взвода Максима. – Страшно сукам... А нам как было страшно в сорок первом?

Немцы со страхом разглядывали победителей. Неужели это та самая армия, которую они пинками гнали в сорок первом? А теперь они сами бегут, и недалек тот час, когда придет последний, сокрушительный пинок...

Гауптман порывался что-то сказать, морщился, пыжился, как замерзший воробей.

– И тебе мира и процветания, уважаемый немец, – склонился в издевательском поклоне Борька Соломатин, чем вызвал новую порцию солдатского веселья. – Смотри-ка, мужики, улыбаются – чувствуют, басурмане, нашу доброту.

– И почему мы такие отходчивые? – вздохнул Бугаенко. – Сколько наших поубивали, а теперь стоят тут такие, зайцы дрожащие – и даже морды им быть неохота.

– Ладно, не будем философствовать о ширине русской души, – отрубил Трофимов. – Что, немчура, шпрехаете по-русски? Хоть одна соображалка на толпу имеется? Давай, замполит, переводи, ты у нас полиглот. С пленными мы не воюем. Пусть переваливают через окоп, строятся в колонну по два и с поднятыми руками... да чтоб повыше поднимали, а то не считается! – топают в наш тыл. Там найдется, кому их оприходовать. Конвойных выделить не можем, сами дойдут – чай, не баре. И чтобы никаких там инцидентов – вроде побега, качания несуществующих прав и тому подобного, а то живо всех положим. В общем, ауфвидерзейн, майне кляйне, ауфвидерзейн.

Немцы выбирались из траншеи, пугливо озираясь на диковатых штрафников, поднимали руки, строились. Гауптман срывающимся голосом отдавал приказания. Пленных набралось не меньше тридцати. Пошатываясь, спотыкаясь, они уходили вниз по холму. Лес рук покачивался над понурыми головами.

– Красотища, любо-дорого смотреть, – выразил общее мнение Борька. – Так и смотрел бы, так бы и смотрел...

– Ничего, насмотришься еще, – проворчал Рывкун.

Прозвучал глухой выстрел, люди задержались, вжали головы в плечи. Кто-то вскинул автомат. Но штрафников происходящее не касалось. Плешивый обер-лейтенант утаил личное стрелковое оружие, а обыскивать всю толпу штрафникам не хотелось. Он приставил пистолет к виску, нажал куда надо и вывалился из строя. Немцы шли как ни в чем не бывало, лишь некоторые косились на агонизирующее тело. Покрикивал гауптман, не желающий сводить счеты с жизнью.

– Надо же, белая кость и голубая кровь, – схаркнул на землю Ситников. – А впрочем, уважаю парня за этот выбор. Вот бы все они так.

– Батальон, строиться в боевой порядок! – прорычал Трофимов. – Поротно! Забыли, что мы вообще-то наступаем? По порядку рассчитаться! Командиры рот, доложить о количестве людей! Где командир второй роты, мать его?

«Отчислен за прогул», – подумал Максим.

При штурме высоты в штрафном батальоне майора Трофимова погибли семьдесят три человека, восемнадцать были тяжело ранены. Получившие легкие ранения остались в строю, их зашили и перевязали. Солдаты роты НКВД конвоировали пленных в тыл, похоронные команды сортировали и складировали трупы, санитарные «ГАЗ-55» рычали, собирая раненых. Батальон шел дальше, прочесывая перелески и сталкиваясь с разрозненными группами противника, потерявшими связь со своими.

Ночка выдалась ударной. Пехотным частям удалось взломать первую линию обороны и продвинуться – где-то на пять, а где-то и на десять километров. Директива штаба фронта гласила: стремительно двигаться вперед. Пункты сопротивления, не взятые с хода, обходить, наступать дальше. Развивать успех, пока враг не опомнился. 47-я армия генерала Перхоровича зависла над Берлином с севера и с флангов отрезала столицу рейха от северных земель. 3-я и 5-я ударные Кузнецова и Берзарина, 8-я гвардейская Чуйкова кромсали немецкую оборону с востока, медленно, но верно сокращая расстояние до Берлина. Немцы бросали в бой последние резервы, сопротивлялись отчаянно, обреченно. На юге 1-й Украинский фронт наступал еще успешнее. Маршалу Коневу везло. Дымовая завеса привела в замешательство передовые посты противника. Ударные батальоны форсировали Нейсе, захватили плацдармы на левом берегу. Инженеры быстро наладили переправы. К середине дня 16 апреля наступающие вышли ко второй полосе обороны. Почувствовав угрозу прорыва, немецкое командование бросило в бой не только тактические, но и оперативные резервы – и безуспешно пыталось сбросить советские войска в реку.

Но наши все равно прорвались. К исходу дня войска пробили главную полосу обороны и продвинулись на тринадцать километров. По узкому проходу на запад пошли 3-я и 4-я танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко, подошли к Шпрее, с ходу форсировали ее...

Майор Трофимов подгонял своих солдат – его подразделение не отставало от соседей, но так и не сумело вырваться вперед. Над головами проносились штурмовики, чуть выше – «вторым слоем» – шли полки тяжелых бомбардировщиков, бивших в глубь обороны.

До рассвета бойцы первой роты лихим броском заняли деревню Райхау.

– Ни хрена себе деревня, – бормотали солдаты, разглядывая добротные каменные строения, помпезное здание католической церкви, вымощенные брусчаткой улицы, ухоженные тротуары.

– Да это не деревня, это херня какая-то. Здесь даже ни одной коровы нет...

Бойцы врвались в дома, но встречали лишь испуганных гражданских – люди прятались в подвалах, пристройках, по-русски не понимали, молились, смотрели на солдат с ужасом. Их не трогали – офицеры Красной армии не воюют с гражданскими.

Лишь на окраине поселка оказались враги – врытый в землю бетонный короб бешено плевался пулями. Сложно сказать, на что рассчитывали гитлеровцы, но оборонялись они упорно. Солдаты первой роты по приказу ротного Шкверника попытались с ходу уничтожить огневую точку. Они понеслись, строча из автоматов, через пустырь, но попали под безнадёжный огонь и откатились, потеряв четырнадцать человек. Не столь прямолинейный, как Шкверник, замполит роты Лавочкин приказал стрелять по амбразурам, и шквал огня обру-

шился на дот². Одна из пуль достигла цели. Пользуясь заминкой, подползли бойцы с гранатами, забросали дот. Скрываясь за дымом, поднялась вся рота; бойцы подорвали стальную дверь, за которой забаррикадировались смертники, зашвырнули внутрь несколько трофейных «колотушек», трое ворвались внутрь – хотя и так все было понятно...

Местность у Зееловских высот была сильно изрезана. Речушки змеились меж лесистыми холмами, синели каналы. Попадались брошенные противником ходы сообщений, траншеи. Иногда приходилось из них кого-то выкуривать. Бойцы прошли мимо батареи полевых орудий, разбитой нашими артиллеристами; миновали перевернутые грузовые машины, на одной из которых недвусмысленно выделялся красный крест, а вокруг валялись трупы бывших раненых, разлетевшиеся после точного попадания снаряда в кузов. Тлели останки людей и техники. Воздух был наполнен удушливой гарью; воняло паленым мясом.

Приближался рассвет. Потихоньку светлели лесистые макушки пологих холмов, поляны, на которых пробивалась зеленая травка, черепичные крыши незнакомой деревушки. Грохотало на севере и на юге – 1-й Белорусский фронт упорно проламывал немецкую оборону. Штрафбат майора Трофимова шел, зачищая собой полосу шириной в километр. Сам майор со «свитой» шел в арьергарде, координируя действия подразделений через порученцев, постоянно связывался по радиации со штабом дивизии и получал оттуда нагоняи. Командование не устраивало скорость движения батальона. Надо было быстрее!

Первая рота капитана Шкверника, идущая на южном фланге, осадила небольшой населенный пункт. Доносились взрывы – немцы взорвали мостик перед околицей. Конфуза, впрочем, не вышло – река была глубиной максимум в полметра. Под прикрытием пулемета солдаты вброд перебежали преграду и завязали бой на единственной деревенской улочке, вымощенной цветной плиткой. Вторая рота капитана Маевского пошла вперед – через овраги и редкий сосновый лес. Третья, в которой и служил Максим, прорывалась на северном фланге по дороге, петляющей между холмами. Солдаты радовались – если повезет, доведет и до Берлина! И нечего грязь месить.

Внезапно по штрафникам ударили из леса. Перед ними стлалось поле, изрытое канавами, за ним темнела чаща – вот оттуда и ударили танковые пушки. Вероятно, «соседи» слегка отклонились, и небольшая группировка противника, засевшая в лесу, решила пробиться на участке, где, как им казалось, советские войска не опасны. Нападение было внезапным, снаряд попал в группу солдат.

Мертвые упали, живые разбежались, залегли – кто в канавы, кто по обочинам.

– Бусыгин, командуйте! – заорал бывший майор Орехов.

Но комроты Бусыгин уже не мог командовать. Осколком снаряда ему оторвало руку, он умирал в мучениях от потери крови – метался по земле, откусив себе язык. Санитарка Тамара суетилась возле раненого, не знала, что с ним делать и что вообще можно сделать, чтобы отогнать смерть.

– Рота, рассредоточиться вдоль дороги! – опомнился ротный замполит Капитонов. – Приготовиться к бою!

– Взвод, всем лежать и не отсвечивать! – включился Смуглянский.

– Черт, как неудобно... – скорчился в канаве Писарчук. – Надо же, залез... Уй, ё... – он сдавленно вскрикнул, выпучил глаза.

– Эй, майор, ты живой? – похлопал его по спине лежащий рядом Борька Соломатин.

– Не трожь, шкет... – прохрипел Писарчук. – Спину прострелило, едрить ее... Радикулит проснулся... Вот так и приходит старость, будь она неладна... Несправедливо, мужики, – осерчал бывший начальник санитарного батальона. – Всю жизнь лечил других, а кто меня вылечит?

---

² Долговременная огневая точка, тот самый бетонный короб, врытый в землю.

- Ладно, лежи, не шевелись, – щедро разрешил Борька. – После боя банки поставлю.
– Дубина ты, – застонал Писарчук. – Банки – от простуды, а никак не от радикулита.

Немцы прорывались решительно. Сминая молодые деревья, маневренные «пантеры» выезжали из леса, с ревом переползали кочки, разворачивались в сторону дороги и солдат третьей роты. За танками густо бежала пехота в шинелях мышиного цвета, строча из автоматов. Танки выплевывали снаряды – взрывы гремели справа, слева, вспахивали проезжую часть дороги. Засыпало пулеметный расчет; солдаты с матерками выкапывались, продували кожух. Танков было как минимум шесть, пехотинцев – не меньше сотни. Они уже преодолели половину расстояния, уже видны были лица немцев – бледные, мятые.

– Эх, хреново перед танком со связкой гранат, – тоскливо пробормотал Ситников, роясь в подсумке. – По себе знаю, как хреново...

– А ведь сомнут нас, – как-то не совсем оптимистично высказался молодой Блинов. – Как пить дать сомнут, до последнего будут идти.

– Мы обречены, – Борька Соломатин заразительно зевнул. – Вот и сказочке конец, как говорится... Черт, ну, какого хрена мы в такую рань поперлись в наступление? Три часа поспать дали, ироды рода человеческого.

– Ты можешь спать в бою? – удивился Кибальчик.

– Да запросто.

– По пехоте – огонь!!! – взревел замполит Капитонов.

Бой был страшным. Вся тяжесть флангового прорыва пала на солдат третьей роты. Первая по-прежнему вела бой у деревни, вторая упала вперед, и вряд ли в ближайшие минуты ее командиры могли понять, что происходит сзади. После первых же залпов немцы стали прятаться за броней. Стальные машины катили, плюясь огнем. Разразилась адская свистопляска, все смешалось в кучу – железо, земля, живые, мертвые...

Отступать никто не собирался. Немцы дрались с фанатичной яростью – видно, их «замполиты» провели соответствующую работу, объяснив, что русские солдаты пленных не берут. Кто-то бросил противотанковую гранату; подбитый танк закрутился на месте, потерял гусеницу – она почему-то напомнила Кореничу снятый с женской ноги чулок. Но остановить другие «пантеры» было невозможно. К счастью, Капитонов уже сориентировался в обстановке, орал «не трогать танки!» Пусть себе едут – а как пройдут, можно будет шквальным огнем отсечь пехоту и уничтожить ее в контр-атаке.

На словах все выглядело гладко. На деле пришлось попотеть. Коренич скрючился в канаве, мимо проползла махина, изрыгающая копоть. Максим стрелял с колена, бил прицельными очередями по мелькающим в дыму фигурам, а когда закончились патроны, стал выхватывать из подсумка наступательные РГД³, бросать перед собой. А потом бойцы пошли на фрицев – вроде даже без команды. Сшиблись стенка на стенку, дрались жестко, предельно матерясь. Зверья, лупили гитлеровцев чем попало. Коренич дрался саперной лопаткой – превосходное оружие для ближнего боя. Секущий удар – и вскрылась черепная коробка арийца, брызнула кровь из глаза, враг схватился за лицо, пал на колени. Максим уже не видел, кто его добил – он рвался вперед, размахивая страшным оружием...

«Пантеры» вышли на дорогу и завертели башнями – оставили стволы на поле брани. Но там все смешалось, а стрелять по своим немцы почему-то не захотели. Танкисты задумались. Рукопашная могла бы завершиться пирровой победой, но тут послышался дружный рев – на выручку бежали солдаты второй роты. Они посыпались из редколесья на другой стороне дороги, примчались толпой, вопя во все горло. Танкисты успели выстрелить несколько раз, погубив с десятков жизней, но толпа уже смешалась с дерущимися.

---

³ Наступательная ручная граната, относится к противопехотным осколочным ручным гранатам.

Вот тут-то немцы и дрогнули. Уцелевшие побежали обратно в лес. Их оставались единицы – и никто не добежал, отступающих расстреливали в спины. И уже гремели орудия на востоке – артиллеристы генерала Соколова установили батарею на господствующем холме, откуда все было прекрасно видно, и били прямой наводкой. Две «пантеры» вспыхнули одновременно – одной снарядом оторвало башню, весь экипаж погиб на месте, вторая горела, как тряпка, смоченная бензином. Из нее выпрыгивали пылающие танкисты. Уцелевшие предпочли не осложнять свою участь: три оставшихся танка рванули вперед по дороге и вскоре исчезли за небольшим плешивым холмом...

Солдаты очухивались долго и мучительно. Максим бродил, пошатываясь, по взрытому полю, натыкался на тела, вытряхивал какофонию из ушей. Бестелесными призраками сновали другие солдаты, поле отгремевшего боя было наполнено каким-то бессмысленным бронуновским движением. Время остановилось. Куда-то подевалась война, отцы-командиры. С востока подходили санитарные фургоны, шла пехотная часть, гремя «доспехами». Раненый в грудь Шеботня тяжело дышал, на выдохе его сотрясал кашель, глаза блуждали.

– Все в порядке будет, Юрка, – бормотал Максим, глядя его по голове. – Выживешь, ты же сильный, здоровый. Месяц в госпитале понежишься, а там уже все забудут, что война была. Считаю себя счастливым. А ну лежи спокойно, не дергайся, перевяжу сейчас – пока еще дожدهшься этих бездельников-санитаров...

Он молился, чтобы Юрка выжил – нельзя умирать, когда война кончается. Подбежал санитар, отстранил его, принялся сноровисто перевязывать рану. Шансы выжить у Шеботни оставались. Вдвоем с каким-то пареньком, хрипящим так, словно ему пробили легкое в нескольких местах, Максим перевалил раненого на носилки, отнес в фургон, отдышался.

– Коренич, – представился Максим. – А ты кто такой? Уж больно молодо выглядишь.

– лейтенант Хорьков, – отрекомендовался хрипящий штрафник. – Ну, бывший, как бы... Игорь Николаевич Хорьков. Месяц назад офицерскую школу закончил.

– И уже совершил преступное деяние? – удивился Максим. – За что приговорили, Игорь Николаевич?

– За любовь его приговорили, – ухмыльнулся черный как сажа Борька.

– Как это? – не понял Максим.

Хорьков смутился, потупил детский взор.

– С полькой шуры-муры замутил, – объяснил за товарища Соломатин. – Такая панночка... Ну, и решил девчонку впечатлить букетом. А чтобы цветов было много и самому не работать, отправился взвод собирать подснежники. А тут, как назло, ответственное лицо из штаба армии проезжало мимо на «виллисе» и было не в духе...

– Ничего другого ты, конечно, выдумать не мог, – с укором покачал головой Максим.

– Так любовь же, – меланхолично вздохнув, пробормотал Хорьков. – Сейчас-то я, конечно, понимаю, а тогда – просто бес попутал.

– А лет-то тебе сколько, герой-любовник? – прихрамывая, подошел и устроился рядом крепко сбитый мужик в основательных годах, с широким лицом и глубоко запрятанными в череп глазами.

– Тридцать будет, – огрызнулся паренек.

– Ну, это еще когда! – хохотнул Борька. – А сейчас?

– А сейчас девятнадцать...

– А вы здесь какими судьбами, уважаемый? – обратился Максим к подошедшему. – Староваты для войны, нет?

– Два года до пенсии, – не обидевшись, объяснил мужчина. – До условной, разумеется, пенсии. – Он протянул широкую руку, и его рукопожатие оказалось твердым и уверенным. – Слепокуров. Подполковник Слепокуров. Начальник штаба 229-го стрелкового полка.

– Хренассе... – Максим опомнился – можно не вскакивать и не вытягиваться по стойке смирно. – Да уж, неожиданно... Боюсь даже спрашивать, товарищ подполковник, чего же вы натворили.

– Не волнуйтесь, лейтенант, Родину и товарищей не предавал, в трусости не замечен, – Слепокуров невесело усмехнулся, матово блеснули прокуренные зубы. – Глупость вселенского масштаба... Немецкая разведка прорвалась на нашу территорию, постреляли штабных и взяли «языка» – полковника Богданова. И растворились в лесу у прифронтовой полосы... Командующий армией разбушевался – еще бы, ведь полковник Богданов обладал ценными сведениями о расположении и планах наших войск. Приказал отрезать диверсантам путь и прочесать лес. Отрезали, – вздохнул подполковник. – Прочесали. К сожалению, именно я проводил безуспешную операцию.

– Не поймали?

– Да не было никого в этом лесу! – ругнулся Слепокуров. – Я лично прочесывал с солдатами эту чащу. Как в воздухе растворились диверсанты. И что мне их – нарисовать надо было? Назначить?

– Можете не продолжать, полковник, – понял Борька. – Глупости вселенского масштаба в действующей армии происходят каждый день. Зато теперь вы должны гордиться – несете службу в самом престижном из всех элитных подразделений, о которых лет через семьдесят будут еще книги писать.

Подходили и падали замертво солдаты первого взвода третьей роты. Бывший майор Богомолов, едва не прошляпавший знамя части, передвигался грузно, выглядел отрешенным. Ситников был бледен как смерть, а у него на лбу запеклась кровь. У бывшего капитана Рывкуна побелели виски, лицо почернело от усталости. Интеллигентный Бугаенко виновато улыбался – словно просил прощения за то, что уцелел. Блинов и Кибальчик с ног до головы были заляпаны грязью – словно попеременно вытаскивали друг дружку из дерьма.

В третьей роте после боя не досчитались сорока четырех человек. Тридцать шесть убитых, восемь раненых. Погиб Дерезко, получил тяжелое ранение Ахмадянов, погиб Писарчук, не успевший выбраться из канавы со своим радикулитом; погиб в рукопашном бою бывший майор Орехов.

– И чего мы там нежиримся, бойцы? – прорычал с дороги майор Трофимов. – Ничего не перепутали? Это еще не Берлин! Первая рота ушла вперед, а вы еще тут канителитесь... А ну, строиться в походно-боевую колонну!

К середине дня общие потери штрафбата составили больше ста семидесяти человек.

Люди устали. Но командование гнало их дальше. Стрелковые части прорывались через естественные и искусственные преграды, форсировали речушки и каналы, брали деревни и небольшие города, седлали тактически и стратегически важные дороги. Первую линию немецкой обороны прорвали практически везде. Войска неумолимо катились ко второй полосе. Танковые армии маршал Жуков в бой не бросал – ждал, пока пехота расчистит путь. Казалось, наступление не остановится, врагу не собрать силы, чтобы дать отпор. Мысль о том, что осталось совсем немного, придавала солдатам сил, разгоняла сон и усталость. Впрочем, на привалах люди засыпали мгновенно, и офицеры сбивались с ног, бегая по головам и возвращая подчиненных в мир бодрствующих.

Во второй половине дня похолодало, ветер нагнал тяжелые тучи, заморосил дождь, и все пространство на пути наступающих колонн раскисло, превратилось в липкую кашу. На западе, на севере, на юге гремела канонада, над облаками гудели бомбардировщики, идущие на Берлин.

Еще одну деревню взяли штыковым ударом. Добротные каменные дома презрительно молчали. Беседовать с местными не хотелось.

– Вот ведь живут, сволочи, – ворчали солдаты, исподлобья разглядывая резные помпезные ограды, двускатные черепичные крыши, окруженные зеленеющими деревьями. – Что за черт, мужики, объясните, если немцы такие богатые, на хрена они на нас напали?

Кто-то сгоряча пальнул по окну – посыпалось стекло, и в глубине дома испуганно зашептала женщина. В южной части городка разгорелась стрельба – не перевелись еще желающие сопротивляться. Застрочили пулеметы роты Маевского, заглушив жиденькую трескотню «шмайссеров».

За оградой дома что-то шевельнулось. Максим успел отпрянуть и оттолкнуть зазевавшегося Борьку – шелчок, и понеслось по дуговой траектории. «Безоткатный фаустпатрон!» – подумал Максим. Стрелок был неважным. Граната пролетела мимо оторопевших солдат, вонзилась в стену дома напротив и громко рванула. Посыпались кирпичи из кладки.

– Ложись? – неуверенно предположил кто-то.

Но Максим уже бежал вперед. Он перегнулся через чугунную ограду, схватил за шиворот шуленькое тельце, перетащил на свою сторону. Противник вырывался, мычал, отбивался ногами. Коренич швырнул его на землю, придавил подошвой.

Противник оказался тощим мальчишкой лет четырнадцати в подвернутых мешковатых штанах, тонкой кожаной жилетке, куцей курточке. Клепать детские каски немецкая промышленность пока не научилась, поэтому малолетние члены гитлерюгенда носили те же каски, что и взрослые. Она закрывала пацану все лицо, и парень туго скрепил ее ремешком на подбородке – чтобы не упала.

– Ни хрена себе, с детьми воюем, – удивился Хорьков.

– Пионер-герой, не иначе, – уважительно протянул Бугаенко, срывая с пацаненка каску.

Борька засмеялся:

– Пионеры юные, головы чугунные...

На солдат смотрели огромные детские глаза. Мальчонка умирал от страха, но при этом хотел выглядеть мужественно и бесстрашно, от чего смотреть на него без смеха было невозможно. Вид широкоплечих мужиков в замызганных телогрейках окончательно вверг его в панику, слезы выступили в глазах, мальчик съежился, подтянул под себя ноги.

– Может, выпороть? – задумчиво предложил Соломатин. – Ну, или, в крайнем случае, уши надрать...

– Можно и выпороть, – согласился Ситников, вытаскивая из штанов ремень, сложил его вдвое, схватил пацана за шиворот, перевернул и принялся вполсилы лупить по костлявой заднице.

Мальчонка извивался, ругался, пытался укусить бойца за руку.

– Да ладно, даже бить его неохота, – отбросил солдат ребенка. – Тоже мне, противник. А мог ведь и попасть. Ну так, по дури. Ну, что, защитник рейха недоделанный! – прорычал он, нависая над ошалевшим от страха шпендиком. – Осознал всю глубину и безысходность ситуации? А теперь вали отсюда, пока мы хорошие!

Пацан не понимал, что ему говорят, втягивал голову в плечи. Максиму стало противно. Так наказывают котенка за мелкую пакость. И ведет себя котенок точно так же – корчится, прячется.

– Вставай, – сказал Коренич по-немецки, схватил мальчишку за рукав и поставил на ноги. – Не убьем мы тебя. Но если еще раз возьмешься за оружие, вернемся и оторвем голову. Понял?

Мальчишка кивнул, шмыгнув носом.

– Местный?

Он снова кивнул.

– Где ваши солдаты?

– Ушли...

– А ты остался, понятно. Герой... Как звать-то тебя, оболтус?

– Йозеф, – швыркнул носом мальчишка и робко поднял глаза на советского солдата. – Йозеф Ратцингер...

– А ну чеши отсюда! – прорычал Максим, и мальчишка понесся, как хорошая газель. Перемахнул через ограду, прокатился пару метров, юркнул за угол.

– Зря отпустили, – рассудительно изрек Ситников. – Ребенок, конечно, но кто его знает... Вооружится еще одним фаустпатроном, да как зашарашит нам в спину.

– Не зашарашит, – уверенно заявил Богомолов. – У меня у самого два таких маломерка растут. Перепугаешь хорошенько – и всё. А этот шмакодявка просто до смерти перепуган.

– Пусть живет, – отмахнулся Максим. – Задурили людям головы геббельсовской пропагандой, скоро кончится этот порядок. Глядишь, что-нибудь приличное из пацана вырастет.

Когда из скверика на восточной окраине городка по колонне штрафников ударил пулемет, многие подумали, что пацан был не вполне откровенен с солдатами. Люди бросились врассыпную, залегли вдоль оград. По приказу Капитонова два отделения третьего взвода отправились с гранатами в обход, а остальные стали демонстративно отползать, имитируя отступление. В парке загремели взрывы, бойцы встали в полный рост и бросились вперед.

Всё смешалось на земле немецкой, и уже окончательно стало неясно, с кем воюет Красная армия. За мешками с песком валялись несколько тел. Обычные гражданские – причем не первой молодости. Мужчинам было изрядно за сорок, двое были одеты в куцые драповые пальто поверх свитеров, остальные – в шинелях со споротыми знаками различия. Мягкие кепки, нарукавные белые повязки с надписью «Deutscher Volkssturm Wehrmacht». Рядом с телами валялись устаревшие штурмовые карабины, парочка неиспользованных фаустпатронов. В лица покойников впечатался страх – похоже, достопочтенные бюргеры вступали в бой без особого к тому расположения.

– Солдаты фольксштурма, – пояснил Максим. – Что-то вроде народного ополчения.

– С детьми воюем, – пожал плечами Борька. – Так еще и с пенсионерами приходится.

– Так они же первыми начали, – обиделся Кибальчик. – Мы шли себе тихо, никого не трогали...

– Так, глядишь, и до женских батальонов дойдет, – ухмыльнулся Бугаенко. – Хреново как-то, так и ждешь подлого удара в спину.

К вечеру 16 апреля поредевший батальон майора Трофимова продвинулся еще на четыре километра, тесня противника, а к вечеру уперся в укрепленную высоту близ деревни Комменфельд – и встал. Встали и соседние части, принялись зарываться в землю. Опираясь на вторую линию обороны, гитлеровцы стали упорно сопротивляться. Напряженные бои разгорелись по всему фронту. Несколько раз советские войска поднимались в атаку и откатывались, неся потери. На отдельных участках удалось овладеть опорными пунктами, однако решающего успеха не было. Стрелки не смогли одолеть мощный узел сопротивления на Зееловских высотах. Для укрепления обороны немцы бросили все оперативные резервы группы армий «Висла» – 56-й танковый корпус генерала Вейдлинга, 18-ю, 20-ю механизированные дивизии, 9-ю парашютную, мотопехотный корпус «Мюнхеберг».

Весь остаток дня и первую половину 17 апреля армии, осадившие Берлин, бились о вторую линию обороны. Дважды батальон Трофимова поднимался в атаку и дважды отходил, теряя людей. Комбат хрипло орал в телефонную трубку, что не может двигаться без артиллерийской поддержки, что еще одна такая атака, и можно формировать новый батальон, поскольку в действующем даже писаря обозного не останется. Это было преувеличением, за сутки боев батальон потерял порядка двухсот пятидесяти человек из восьмисот, силы еще оставались, но стоило ли понапрасну губить солдат? Пусть и штрафники, пусть пушечное мясо, но – зачем?

К концу 17 апреля штаб дивизии приказал зарыться в землю и ждать указаний. Солдаты рыли окопы под огнем противника, забивались в щели. Больше всего бойцов потеряли первая и вторая роты. В третьей многие остались живы лишь из-за рельефа местности, позволяющего быстро спрятаться. Контузило лейтенанта Смуглянского, и теперь он ни черта не слышал – если кто-то хотел к нему обратиться, то должен был орать во все горло. Жуткая боль крутила недолеченную ногу Максима – он скрипел зубами, едва не теряя сознание, задыхался, проклинал тот день, когда позволил подойти тому недоношенному полковому хирургу...

Неспособность соединений взломать оборону противника и успехи 1-го Украинского фронта доводили маршала Жукова до белого каления. Георгий Константинович недолюбливал Конева, считал, что только он сам, прославленный маршал Великой Отечественной, имеет право взять Берлин и получить звание Маршала Победы. А всяким выскочкам, вроде Конева и Рокоссовского, нужно оставаться на втором плане. К тому же Чуйкову – командующему 8-й армией – уже вручили символический ключ от Берлина... Первоначальный план Жукова – прорвать две полосы обороны общевойсковыми армиями, а уж потом вводить в бой танки, – трещал по швам и рушился. Делать было нечего; нужно было усилить наступающие войска, пока Конев не подошел к Берлину с юга, а армия 2-го Белорусского под командованием Рокоссовского не повернула на Берлин с севера (на вероятность чего насмешливо намекал товарищ Сталин – тот еще подстрекатель).

Жизнь заставила Жукова ввести в бой 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии Катукова и Богданова. После новой порции артиллерийского огня танковые армады бросились в сражение. Приказ Жукова был жестким и однозначным: наступать без остановки, пробивать фронт любой ценой, днем и ночью, постоянно ускоряясь. Артиллерии должны были выдвигаться на открытые позиции и прямой наводкой уничтожать окопавшегося противника.

Однако быстрой победы не получилось. Немцы упорно защищались. Работали команды истребителей танков, вооруженные фаустпатронами, били прямой наводкой 88-миллиметровые зенитные орудия. Танки Катукова и Богданова горели словно картонные.

Однако медленно, упорно, истекая кровью, Красная армия прогрызала немецкую оборону. К вечеру 18 апреля танкисты 11-го корпуса генерала Ющука взяли в кольцо Зеелов и оседлали Райхштрассе-1 – дорогу, связывающую Берлин со столицей Восточной Пруссии. Выдержке Ющука стоило позавидовать – его солдаты и техника попали под обвальную артиллерийскую стрельбу. Оказалось, что орудия соседней 5-й гвардейской армии стреляют не по разведанным целям, а по «площадям»...

В ночь на 19 апреля в сражении наступил перелом. Командующий 9-й армии Буссе слал депеши в бункер Гитлера – просил разрешения отвести войска к пригородам Берлина и занять там оборону. Но Гитлер решительно отверг предложение, приказывал удерживать рубежи любой ценой. Как и опасался Буссе, войска 9-й армии очень скоро были разделены на три части и начали оставлять позиции.

И все же наступление развивалось не так успешно, как хотелось бы Жукову. 1-й Белорусский фронт продвигался медленно; и Ставка решила повернуть 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин. Пробиваться вперед, крупные поселения обходить стороной, оставляя их общевойсковым армиям, ни в коем случае не ввязываться в затяжные бои. Только вперед, на Берлин!

Для маршала Жукова эта новость стала тяжелым психологическим ударом. Он отдал срочный приказ генералам Катукосу и Богданову: первыми ворваться в столицу Германии и водрузить над ней знамя Победы. Он не мог позволить Коневу опередить его. Еще один приказ – 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова – продвигаться не только к восточным, но и к южным окраинам города; Жуков надеялся, что такой демарш закроет Коневу путь на Берлин.

Кольцо окружения замыкалось вокруг войск Буссе. 1-я гвардейская танковая армия и 8-я армия Чуйкова успешно наступали вдоль шоссе Райхштрассе-1 в направлении Мюнхенберга. Перед их боевыми порядками отступали солдаты 9-й парашютной дивизии...

Озабоченный больной ногой, Максим смутно помнил, как к высоте подошли танки Т-34, обстреляли Комменфельд, а потом сравняли его с землей. После дружеской поддержки батальон весьма охотно поднялся, кинулся в прорыв. Немцы отступали, солдаты противника метались по полю, набивались в бронетранспортеры и уезжали. С этого дня войска противника охватила неконтролируемая паника. Истощенные солдаты отступали на запад, а защищались, только если им угрожала непосредственная опасность от прорвавшихся советских частей. Штаб 9-й армии еще сообщал генералу Хейнрици об узлах германской обороны. Но на деле никакой обороны уже не было – лишь слабая попытка сохранить видимость порядка посреди хаоса. Все дороги к востоку от Берлина были забиты отступающими войсками и беженцами – местные, прослышав о крушении фронта, надеялись укрыться в Берлине. Дороги бомбили самолеты 18-й воздушной армии – уже не разбираясь, где беженцы, а где войска противника.

Немцы отступали толпой. Полевая жандармерия и отряды СС отлавливали дезертиров, расстреливали, вешали вдоль дорог в массовых количествах, но все эти меры были безуспешными. Отступление вдоль Райхштрассе-1 превратилось в хаос. «Русские уже здесь!» – кричали люди, бросали свой скарб, бежали, давя других. Машины расталкивали людей. Военнослужащие различных частей перемешались в один клубок. Плечом к плечу бежали солдаты вермахта, эсэсовцы, фольксштурм, пацаны из гитлерюгенда. Ломались повозки, создавая на дорогах невыносимые пробки. Офицеры в автомобилях орали на несчастных гражданских, сбрасывали их с дороги, иногда стреляли в них...

И снова советские танковые колонны были вынуждены тормозить – все дороги перед ними были переполнены беженцами.

К 20-му числу пала третья линия обороны. Открылся путь на Берлин для 1-го Белорусского фронта. Батальон майора Трофимова, отдохнувший три часа перед рассветом (не бог весть что, но солдатам понравилось), наступал на левом фланге 27-й гвардейской дивизии. Личный состав сократился до полутысячи человек, но это была еще сила. В двух деревнях, встреченных на пути, никого не было. Люди в спешке покидали дома. На улицах валялись какие-то тряпки, выброшенные узлы, зонты, чемоданы... У обочины поперек дороги стоял заглухший «Фольксваген». Желаящих сопротивляться не нашлось. На зачистку каждой деревни отводилось десять минут – ни в коем случае нельзя было снижать темп продвижения. Солдаты врываются в дома, давая «предупредительные» очереди, обшаривали комнаты – недоумевая по ходу, почему так хорошо живут немцы при самом бесчеловечном режиме, и почему так плохо – простые граждане самого справедливого на земле государства.

Максим тоже был озадачен. Пока советские войска не вторглись в Германию, он по наивности считал, что вся эта страна – одна большая казарма, где не может быть красивых зданий для простых людей, чистоты и опрятности на улицах, красивых парков, роскошной архитектуры...

В одном из домов он внимательно осмотрел просторную гостиную, отделанную лакированным дубом, с коврами, пышными шторами на окнах. Максим чувствовал неодолимое желание что-нибудь взять – бронзовый подсвечник из серванта, пару резных латунных бокалов на высоких ножках, красивые настенные часы, стащить со стола накрахмаленную скатерть с рюшечками и монограммами. Но сказал себе: «Ты офицер, а не грабитель!»

Внезапно за дверью зашуршали, что-то звякнуло, покатилося. Максим метнулся, распахнул дверь – и угодил в просторную кухню. Вскинул автомат – и устыдился, увидев жующего Борьку, поперхнувшегося от испуга.

– Прости, – ухмыльнулся Максим. – Ты какой-то карикатурный.

– Ну и что мне теперь, подавиться? – возмутился Соломатин, вновь схватил жестяную банку без опознавательных знаков, вскрытую штык-ножом, забрался в нее ложкой и, преодолевая сопротивление продукта, принялся извлекать на свет. Попробовал клейкую массу, чем-то похожую на законсервированные гусиные испражнения, страдальчески поморщился.

– Щучье варенье? – засмеялся Максим.

– Вроде того... – Борька приложил ладонь ко рту, собравшись вывалить на нее неудавшуюся еду, но передумал, принялся осторожно жевать. – Похоже, фасоль... М-да уж, с провиантом у немцев печально, всякую гадость едят... А чего ты так смотришь? Я свой паек, между прочим, уже полдня как слопал и крест на нем поставил. Не воевать же голодным.

– Ладно, пошли, – махнул Коренич. – Бери с собой, потом доешь.

– Когда? – не понял Борька. – В бою, что ли? Ты знаешь, есть в бою – не очень здорово по правилам хорошего тона, и диетологи не очень рекомендуют...

– А меня на ужин пригласите? – всунулся в окно Кибальчик, испуганно уставился на два автоматных ствола, стушевался. – Мне выйти из класса и зайти как надо?

– Ладно, будь как дома, – вздохнул Максим. – Только быстро, мужики – ищем что-нибудь съедобное и пулей сваливаем. Вот только сдается мне, что, кроме этой убитой горем фасоли, мы здесь ничего не найдем. Немцы – куркули, все с собой забрали, сейчас жируют где-то на дороге.

За стеной послышался испуганный вскрик, удар чем-то твердым обо что-то мягкое, упала мебель, потом еще что-то... Дослушивать солдаты не стали – вломилась в соседнюю комнату, где стоял растерянный Блинов с автоматом наперевес и неудержимо икал.

– Привидение увидел? – не понял Максим.

– В комод, – икнув, вымолвил солдат.

Штрафники сгрудились над массивным деревянным комодом, одна дверка которого была распахнута, а другая оторвана и валялась рядом. Как эти двое там поместились? Перепуганная пожилая немка в невзрачном шерстяном платье, с седыми волосами, скрепленными шпилькой на затылке, скорчилась в три погибели, обнимая девочку-подростка. Девочка, похоже, была инвалидом – лицо опухшее, глаза выпучены, пухлые губы беззвучно шевелятся. Смотрела она не на солдат, а мимо – совершенно пустыми глазами, без страха и любопытства. Зато старуха была напугана до полусмерти, она глядела на солдат с таким ужасом, словно ей явились демоны в человеческом обличье. Картинка действительно была так себе: небритые дикие мужики в засаленных телогрейках, таким самое место на лесоповале. С Борькиных губ свисала липкая фасоль, о существовании которой он забыл.

Максим устыдился – не было у этих людей возможности уехать. Транспорта не нашлось для больной, кому они нужны, эти старые и умственно неполноценные? Здесь не СССР, в котором «старикам везде у нас почет».

– Дай, думаю, комод проверю, – сбивчиво повествовал Блинов. – Мало ли чего... А они тут, блин... В общем, думали, что удачно спрятались.

– Посмотрите, как дрожит эта старая перделка, – ухмыльнулся Борька и помолчал, подыскивая выразительное сравнение. – Как чукча в условиях Крайнего Севера... – и, кажется, сам устыдился своих слов, смущенно кашлянул.

– А дверь зачем оторвал? – спросил Коренич.

– А оно само, – смутился Блинов.

– Пойдемте отсюда, – предложил Кибальчик. – А то мне отчего-то кажется, что мы этих людей смущаем.

– Да, я тоже не расположен сегодня убивать и насиловать стариков, женщин и детей, – тяжело пошутил Борька.

Максим осторожно прикрыл дверцу комода. Кибальчик поднял оторванную, пристроил на место – старуха чуть не умирала от ужаса, шептала: «Найн, найн...» На цыпочках, озираясь, штрафники удалились из комнаты и, хихикая, бросились к выходу.

– А ну, шире шаг! – поторапливал марширующие колонны майор Трофимов. – Отстаем, бойцы! Немцы убегают гораздо быстрее, чем вы изволите наступать!

– И что нам теперь, догонять их, теряя штаны? – ворчали бойцы. – Больно надо ноги сбивать...

– Разговорчики в строю! – рычал замполит Кузин и втихомолку ухмылялся.

На подступах к Берлину творилось что-то безобразное. Гражданские бросали тачки, повозки, багаж, бежали налегке. Войска оставляли автомобили, бронетехнику, в которых не оставалось горючего – добыть его было негде. Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Германский воздушный флот к концу апреля фактически перестал существовать. Самолеты, базировавшиеся в других областях Германии, не могли пробиться к Берлину. Бомбардировщики с красными звездами на фюзеляжах проносились над головой, а через пару-тройку минут где-то впереди начинали грохотать взрывы.

– Смотрите, немецкие самолеты! – вдруг закричал кто-то, и солдаты, вместо того чтобы разбежаться, недоверчиво задрали головы.

Из-за западного леса навстречу неторопливым бомбардировщикам-«Лавочкиным» неслись два небольших немецких истребителя. Об их принадлежности сообщали белые кресты на фюзеляже.

Дальше произошло нечто невероятное. На уцелевшем аэродроме в Темпельхофе готовили летчиков-самоубийц – вроде японских камикадзе. Немецкое командование даже не подозревало, что такое количество пилотов люфтваффе будет готово пожертвовать собой во имя рейха. Самолеты врзались в мосты, возведенные советскими саперами, таранили танковые колонны, железнодорожные станции. Эффект от этих действий был небольшим, но достаточным, чтобы раздражать советское командование.

И теперь немецкие истребители неслись наперерез тройке бомбардировщиков. Их намерения были вполне ясны. Советский пилот, следующий в центре ряда, попытался увести неповоротливую машину в сторону, но не успел. В небе прогремел оглушительный взрыв, и обе машины, разваливаясь на части, кувыркаясь, полетели вниз, рухнули за северным лесом. От последующего взрыва подпрыгнула земля.

– Вот сука!!! – не сговариваясь, взревели штрафники.

Строй бомбардировщиков распался. Второй немецкий истребитель заходил по широкой дуге, подыскивая жертву. Из-под облаков с ревом вывалился перехватчик «Петляков», спикировал на немца. Искрящие трассиры прочертили небо, вспыхнул хвост фашистского смертника. Он начал падать, но как-то выровнялся, попытался набрать высоту, но тут самолет завибрировал, горящий хвост просел ниже носа, пламя охватило половину фюзеляжа, и машину потащило вниз, на деревья. А перехватчик гордо помахал крыльями, сделал круг почета над местом крушения и удалился к себе за облака.

– Ну, слава богу, – ворчали солдаты. – Молодец, парень.

Чем глубже войска вгрызались в немецкую территорию, тем драматичнее вырисовывалось положение, в котором оказался противник и ни в чем не повинные штатские. Раздавленные и обгоревшие тела людей и животных валялись на проезжей части, в водоотводных канавах, в стороне от дорог. Солдаты отворачивались – трупы стариков, женщин, особенно молодых и привлекательных, не способствовали поднятию боевого духа. Вокруг громоздились перевернутые повозки, брошенная и подбитая артиллерией техника.

Немцы бросали не только убитых, но и раненых. Группа перевязанных солдат копошилась у обочины. Подняться и что-то сделать без посторонней помощи они уже не могли. Кто-то сматывал с себя окровавленный бинт, чтобы наложить свежий. У другого, лежащего

под деревом, была полностью забинтована голова, оставлены лишь дырки для глаз. Раненые смотрели без эмоций, как мимо, не обращая на них внимания, идут вражеские солдаты.

Офицер, раненый в живот, сидел, прислонясь к лафету разбитого орудия, зажимал рану рукой и с неприязнью рассматривал приближающуюся колонну. Жуткие боли не мешали ему выказывать презрение к «ордам монгольских захватчиков», безнаказанно марширующим по его цивилизованной стране. Свободная рука шарила по траве, фриц приподнял автомат, пытался навести дрожащей рукой. Из колонны прозвучал одиночный выстрел – офицер обмяк, из дырочки во лбу заструилась кровь...

18-я и 20-я воздушные армии били все сильнее. Командующий артиллерией генерал Казаков выдвигал вперед дивизии артиллерийского прорыва. Батареи тяжелых орудий, включающие 152-миллиметровые и 203-миллиметровые гаубицы, беспрерывно вели огонь. Пространство между Берлином и стыком противоборствующих сторон сжималось, превращаясь в мясорубку. Все полевые лазареты в ближайшем германском тылу были переполнены ранеными. Врачей не хватало, кончались обеззараживающие препараты, не было воды. Освещение в немецких лазаретах вырабатывали динамики, прикрепленные к колесам велосипедов. Солдат с тяжелыми повреждениями уже не оперировали, занимались лишь теми, чьи ранения не были смертельными и позволяли быстро встать в строй. По госпиталям и лазаретам бегали офицеры с предписанием – формировать команды из легко раненных военнослужащих и немедленно отправлять на боевые позиции. Лютовали команды СС и полицейских батальонов – дезертиров ловили и безжалостно вешали на деревьях вдоль дорог.

Во всем этом было что-то нереальное, апокалиптическое. Маршевые колонны штрафного батальона шли по редкому лесу, готовые рассыпаться в наступающие шеренги, а по обочинам дороги на деревьях висели люди. Их было много, отчаянно много. Большинство несчастных было в форме вермахта, но попадались и гражданские, и мальчишки из гитлерюгенда... Солдаты отвернулись, проходя мимо худенького светловолосого паренька лет шестнадцати; в его глазах застыл ужас, а тело было скручено, словно штопор – он умирал мучительно, неохотно, цепляясь за последнюю каплю кислорода. На груди у повешенного болталась табличка. Подобные знаки, отпечатанные явно типографским способом, висели и на многих других казненных.

– Что там написано? – тянули шеи солдаты.

– «Я был трусом», – перевел Максим.

– Станешь тут трусом... – беззлобно бурчал Богомоллов. – Мы сами в сорок первом как только в штаны не делали... Делали, делали, не спорьте, все прекрасно это помнят.

Сгущались сумерки. До городка Хайзенхольц, который планировалось отобрать у немцев к восьми вечера, оставалось несколько километров. Дорога сузилась, по обеим сторонам теснился густой лес... И на каком-то участке батальон уперся в непроходимую баррикаду из искореженного металла. Колонна немецкой техники несколько часов назад попала под огонь «катюш». Вырванные с корнем деревья, изломанные стволы, перепаханная воронками земля. Страшное месиво из разбитой, раскуроченной техники – легковые машины, бронетранспортеры, грузовики, легкие танки, санитарные фургоны. Все переплелось в одном винегрете – переломанная обгоревшая сталь, фрагменты деревянных бортовых конструкций, разбросанные вещи, окровавленные трупы, части тел, клочки одежды, чемоданы. Опрокинутая техника валялась вдоль обочин – видимо, выжившие после первого удара пытались спастись, развернуть машины или убраться подальше в лес. Солдаты разбежались, но удар гвардейских минометов был страшен – повсюду бугрились мертвые тела.

Реактивные установки не оставляли немцам ни малейшего шанса. В тот же вечер залпы «катюш» накрыли деревню Вульков, к которой немецкое командование подтягивало подкрепления – танковый полк 56-го корпуса генерала Вейдлинга, разведывательный батальон дивизии СС «Нордланд». Практически все дома в Вулькове были переполнены ранеными

и уставшими немецкими солдатами. Подошедшие части готовились к маневру, но еще не покинули деревню. Реактивные снаряды прилетели внезапно. Деревня вспыхнула как соломенный стог. Взлетали в воздух дома, танки, грузовые машины, вспомогательная техника. Между домами металась солдат, обезумевшие от страха и боли. Практически вся готовая к контрудару боевая техника была перемолота снарядами.

Паники добавило грозное «Ура!» наступающего штрафного батальона. Штурмовые колонны пронеслись по полю и ворвались в деревню, озаренную пожарами. Выжившие немцы падали на колени, умоляли не стрелять. Пленных сгоняли к полуразрушенной мельнице на берегу мелководной речушки. С военнослужащими вермахта обращались прилично, с эсэсовцами не церемонились: били их прикладами, кулаками, получая от этого мстительное удовольствие, а если кто-то возмущался, то получал заслуженную пулю. Спротивление оказывала лишь горстка эсэсовцев, собравшаяся вокруг хромого гауптштурмфюрера с перевязанной рукой. Они организованно отходили по центральной улице, прятались за вздыбленной техникой, огрызались автоматными очередями. На призывы прекратить эту дурость и сдаться отвечали руганью и плотным огнем. Кончилось тем, что отделению солдат пришлось отправиться в ближайший переулок, оттуда – на параллельную улицу, и минут через пять они забросали немцев гранатами и полили огнем из станкового ДШК. Никто не сдался. Немцы падали один за другим, а когда их осталось только трое, то не придумали ничего более умного, как закрыть собой от пуль раненого в обе ноги офицера...

– Ну и чего мы тут пляшем, как новорожденные лошадки? – беззлобно ухмыльнулся майор Трофимов, подъехав на где-то добытом велосипеде. – Бой еще не окончен! Живо зачистить всю деревню!

– Товарищ майор, а можно и нам на велики? – завистливо выкрикнул Хорьков. – Мы будем на них носиться, как пчелки!

– Отставить! – гремел комбат. – Велосипеды – только нам с замполитом и порученцам! А вам, голодранцам, много чести, перебьетесь! Ну, давайте, мужики, напрягитесь! Ведь не просто так бандитствуем – историю делаем!

– Причем у каждого своя история, – проворчал Рывкун. – И не делаем, а вляпываемся...

Снаряды пощадил юго-западную окраину деревни. В приземистом строении располагался немецкий госпиталь. Несколько снарядов разорвались у входа; горел санитарный автобус, пламя облизывало ступени крыльца, но быстро огонь не распространялся. Солдаты врывались в здание через окна, задние двери. Максим вскинул автомат... и опустил: с треском выбитого стекла из окна выпали две женщины в одеянии, чем-то напоминающем балахоны монахинь, но с красными крестами на косынках и груди. Подвывая от страха, они бросились в ближайшие кусты. Коренич прыгнул внутрь, пробился в коридор через темную подсобку. Электричество не работало – в здании горели фонари и свечи. Солдаты вламывались в помещения, временами пространство рвали автоматные очереди – палили для острастки, по темным углам.

Максим ворвался в небольшую комнату – по-видимому, кабинет врача. Стрелять не пришлось. За столом с поникшими плечами, в состоянии какого-то кататонического stupора, сидел мужчина с землистым лицом в окровавленном больничном халате, наброшенном поверх мундира. Он тупо смотрел в пространство перед собой. Слева от него стояла банка с горящей свечой, справа – полупустая бутылка шнапса. Сидящий медленно повернул голову, мазнул по Кореничу бесцветным взглядом, никак не выразив своего отношения к вторжению. Максим выхватил из кобуры, валяющейся на кушетке, вальтер на предохранителе (похоже, у немецкого офицера не было желания сводить счеты с жизнью), сунул за пояс. Офицер пожал плечами. По комнате плавал сивушный запах не слишком качественного алкоголя.

– Врач? – спросил по-немецки Максим.

Тот помешкал и кивнул. Затем расклеил губы и сипло вымолвил:

– Бруно Финклер, оберст-лейтенант медицинской службы... полевой хирург.

– Не СС? – перебил Коренич.

Подполковник презрительно усмехнулся.

– Вы не поверите – нет. Но в госпитале вместе с нашими солдатами проходят лечение солдаты ваффен СС. Мы не делаем различий, если человеку требуется медицинская помощь.

– Я знаю, что вы известные гуманитарии, – усмехнулся Максим. – Что охотно подтвердят узники концлагерей и миллионы замученных в Европе и СССР.

– Я врач, – пожал плечами Финклер, – думайте что хотите, мне уже все равно.

– Позвольте? – кивнул Максим на бутылку.

Немец сделал удивленный жест.

– Да, конечно, кто же вам запретит... – молча проследил, как русский делает глоток, задумчиво произнес: – Вы не похожи на озверевшего русского «ивана», которыми нас запугали. Вы ведете себя как офицер, вы неплохо говорите по-немецки, у вас интеллигентное лицо...

– Оставьте комплименты, уважаемый, – поморщился Максим. – Для тех женщин, которые у вас еще будут, если не наделаете глупостей. А что касается советских солдат, то подавляющее их большинство неплохо воспитаны, умеют себя вести в приличном обществе и быть благородными. Сами вы варвары. Некогда мне с вами возиться, герр Финклер, поднимите повыше руки и выходите в коридор. Говорите при этом «Гитлер капут», солдаты вас поймут. Думаю, года через три вы с чистой совестью вернетесь в обновленную Германию.

– Уже уходите? – изумился немец. – Вы меня не расстреляете?

– А вы настаиваете? – Максим сухо улыбнулся и покинул кабинет Финклера.

В госпитале царил бедлам. Солдаты третьей роты прочесывали помещения, в которых ничто не мешало спрятаться живым и здоровым солдатам противника. Не весь персонал заведения покинул свои места в страхе перед русскими. В длинном помещении, где непосредственно располагался госпиталь, душливо пахло медикаментами, гниющей человеческой плотью. Раненые лежали тесно – замотанные окровавленными бинтами (видно, кончился перевязочный материал), обреченные, равнодушные, восковолицые. Кто-то постанывал от боли, кто-то смотрел на топающих по проходу русских с деланным спокойствием.

Внезапно солдатам преградила путь медсестра, прямая как палка. Бугаенко отодвинул ее, приложив палец к губам – мол, не надо лишних слов, фрау, шли бы вы к дьяволу.

Тряслись от страха немки в форме медсестер, молодые, почти девчонки. Им задорно подмигивали Хорьков с Кибальчиком, но от этих знаков внимания девочек трясло еще сильнее. Среди раненых не было людей с оружием.

Снова коридор, вскрик за дверью, Максим ворвался, отбросив дверь ударом ноги... и замешкался, оторопев, за что потом долго винил себя. Распахнутые шкафы – когда-то в них лежали медикаменты, драная кушетка, стол и табурет, на который залезала фигуристая медсестра – приятные формы не скрывала даже мешковатая одежда. С трубы, протянутой под потолком, свисала веревка. Женщина, рыдая, просовывала голову в наспех повязанную петлю. Мешала косынка, путались золотистые густые волосы. Она судорожно воевала с веревкой, переминалась с ноги на ногу; табуретка угрожающе покачивалась.

– Эй, фрау, чего это вы тут надумали? – ахнул Максим, бросаясь спасать висельницу.

Он споткнулся о какую-то коробку, потерял еще время – женщина взвыла, тоскливо, душераздирающе, выбила из-под себя шаткую опору...

Она тряслась, болтая конечностями, глаза вываливались, пена текла по подбородку. Максим схватил ее за ноги, попытался поднять, чтобы женщина не задохнулась – но получил локтем по скуле, отпрянул, впечатленный болью, потом догадался, выхватил остро отточенную саперную лопатку, перерубил веревку...

Медсестра успела умереть – привлекательное личико сковала судорога. Максим положил ее на пол, не в силах оторвать взгляда от новоявленной покойницы. В комнату ворвался Борька Соломатин, быстро понял, что случилось, присвистнул.

– Ну, ни хрена себе, вот же задурили пропагандой – словно тут Аттила какой-то с востока идет... Ладно, пошли, – потянул он сослуживца за рукав. – В госпитале чисто, пусть лечатся, если смогут, не расстреливать же их тут всех. Пошли, говорю, мыслитель окаменевший...

Пропаганда Геббельса о зверствах русских на захваченных Красной армией территориях зачастую была правдивой. Максим сам видел это. В Померании, где полегло множество людей (бойцы так и шутили: помираем мы тут, в Померании), солдаты не были ни деликатны, ни миролюбивы с местными. Их можно было понять – потери были чудовищные, и население помогало гитлеровцам. В одном из городков, отбитом ценой колоссальных жертв, озверевшая солдатня ворвалась на узел связи, где работали несколько десятков молодых девушек. Радисток насильовали всем батальоном – грубо, жестоко, извращенно, в течение всего дня, и офицеры тоже присоединились. Девушек не выпускали, заперли в подвале. Если радистки молили о пощаде или пытались сбежать, их жестоко избивали, пытали... Советские солдаты вели себя хуже гестаповцев. Прекратилась эта вакханалия только после того, как батальон получил приказ немедленно выступить. Максим впоследствии видел этих парней – ошарашенных, пристыженных, не верящих в то, что натворили, не способных понять, что за демон в них вселился...

К двадцатому апреля третья оборонительная полоса была прорвана по всему фронту, и войска могли дальше наступать на Берлин. Двадцатого числа дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса преподнесла подарок Гитлеру на день рождения: нанесла артиллерийский удар по Берлину. Орудия стреляли с предельной дистанции, снаряды долетали лишь до северо-восточных окраин города, но Жукову, стремившемуся обстрелять столицу раньше Конева, это было приятно. Части 3-й, 47-й, 5-й ударных армий уже приближались к восточным окраинам столицы. На юге группировки 1-го Украинского фронта вклинились в расположение противника и полностью отсекли группу армий «Висла» от группы армий «Центр». Танкисты генерала Рыбалко на всех парах приближались к Берлину с юго-востока. Не дожидаясь саперных частей, они форсировали Шпрее и взяли города Шпреевальде и Барут. Танкисты Лелюшенко осадили Потсдам на юго-западе, а потом пошли на соединение с частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта, обходящей Берлин с севера – Сталин опасался, что западные союзники могут неожиданно появиться на западных окраинах города, а это было нежелательным, столицу Германии должна была взять только Красная армия. Вокруг 9-й армии генерала Буссе восточнее и юго-восточнее Берлина замыкалось второе кольцо окружения. Отступала, сохраняя видимость порядка, дивизия СС «Нордланд». Полк «Норвегия» и «Дания», набранный из скандинавских нацистов, бежал от Притцхагена, собирая по пути подразделения гитлерюгенда и остатки 18-й моторизованной дивизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.